

Дмитрий ШАТИЛОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СМЫСЛА

Социальная фантастика

@ЭЛИТА

16+

Дмитрий Шатилов

Изобретатель смысла

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

На далёкой планете Тразиллан, в великом и несравненном кантоне Новая Троя живёт Гиркас, наполовину человек, наполовину конгар. Ума у него нет, таланта – тоже, а потому именно он лучше всего подходит для того, чтобы занимать должность Дун Сотелейнена. Что это за должность и в чем ее смысл, в Новой Трое давно уже никто не помнит – все знают только, что на это место назначают людей пропащих, ненужных обществу. Таким же считал себя и Гиркас, пока в один прекрасный миг не оказалось, что именно от его, Дун Сотелейнена, решения зависит судьба войны, продолжающейся уже пятьдесят лет, войны, как эти ни парадоксально, выгодной всем народам, населяющим Тразиллан.

Что важнее – совесть или общее благо? Стоит ли торжество справедливости тысяч искалеченных судеб? По чину ли «маленькому человеку» стопорить шестеренки истории, которые раскручивают лучшие люди своего времени?

Прочитайте – и узнаете.

Содержание

Пролог	5
Почему война для нас – благо?	17
Глава первая	30
Глава вторая, она же третья и четвертая	74
Глава пятая	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Дмитрий Шатилов

Изобретатель смысла

© ЭИ «@элита» 2014

*** * ***

Пролог

Человек с ничейной земли

Свой некролог, напечатанный на последней полосе «Голоса Новой Трои», Гиркас показал мне, когда мы сидели за столиком в кафе «Песнь храбрых». Располагалось оно на углу улицы Памятной – центральной улицы кантона Новая Троя, а сам кантон, словно крохотный прыщик, лепился к боку Тразиллана – планеты, колонизированной его величеством Человеком два с половиной века назад.

Тразиллан лежит в стороне от торговых путей, и Гиркаса всегда злило, что мы, по сути дела, живём в самой настоящей провинции. Он-то, будучи Дун Сотелейненом, претендовал на роль прямо космическую, а между тем всей цивилизованной Галактике мы, тразилланцы, даже теперь известны лишь тем, что ни с того ни с сего объявили войну колыбели человечества, Матери Земле.

О, для нас это должна была быть славная война, быстрая и победоносная! Покончив с ней, мы рассчитывали как следует насладиться жизнью: усесться в плетёные кресла, взять бокалы вина и предаться воспоминаниям о выигранных битвах и погибших товарищах.

В некотором роде так и вышло. Не знаю, как другие, но мы с Гиркасом – два молодых человека, по разному пережившие

эту кровавую кашу (я, бывший корреспондент «Голоса Новой Трои», он, единственный на планете Дун Сотелейнен) – сидели в кафе и вспоминали без конца. Перед нами стояла бутылка вина, и война с Землёй уже неделю как кончилась.

Кончилась победой Земли.

– Ну не идиоты ли? – развёл руками Гиркас, когда я дочитал его некролог. – Будь я живой, чёрта с два они бы про меня так написали!

Возмущало его, главным образом, следующее:

Высочайшим достижением Гиркаса на посту Дун Сотелейнена, было прекращение конфликта, известного как Торакайская бойня. Крупнейшая конгарская война за всю историю Тразиллана продолжалась почти пятьдесят лет.

В тот славный день Гиркас явил всё лучшее, что вложила в него родная земля: стойкость, верность убеждениям, твёрдость жизненной позиции и присущий всем новотроянцам непреходящий оптимизм.

Что до меня, то я не видел в этом отрывке ничего необычного. Это было вполне в духе «Голоса»: всё для благородных мертвецов и ничего для презренных живых. Я промолчал, и, не дождавшись ответа, Гиркас вновь наполнил кружки.

Вокруг нас цвело тёплое весеннее утро, и от новеньких клумб пахло свежей землёй. За соседним столиком ожидал заказа землянин с заспанным лицом, судя по форме – сотрудник Ремонтного корпуса. В коротких пальцах он крутил

четвертак, и, глядя на то, как ловко он управляет с монетой, я вдруг вспомнил, как мы, «тыловые крысы», делали ставки на то, кто победит в войне – Земля или Тразиллан.

Будучи патриотами, почти все мы ставили на Тразиллан, и только один поставил на Землю, и поставил по-крупному. «Нет, ну я же хочу выиграть», – сказал он тогда. В порыве негодования мы чуть не избили иуду, но, поостыв, решили ограничиться презрением. Таких людей обычно наказывает судьба – случилось так и на этот раз. Земля победила, и он явился получать свой выигрыш – целый мешок бесполезных новотроянских драхм, который в пересчёте на земную валюту стоил всего четверть цента.

– Достойная награда за предательство, – сказали ему мы – гордые, смелые, свободные люди.

И никто не спросил себя: а где была наша верность Отчеству, когда следовало встать во весь рост и крикнуть: «Прекратите эту бессмыслицу!»?

Бессмыслицу, это точно. Я хорошо помню, как Тразиллан объявил Земле войну – на заседании Консультативного совета, где и произошло это событие, я присутствовал в качестве корреспондента «Голоса Новой Трои». Едва члены Совета закончили обсуждать верительные грамоты земного посла, как спикер Аякс (в год его рождения жива была мода на греческие имена) потянулся, откашлялся и тихим голосом сказал:

– Война, господа, вот что я предлагаю. Может быть, зем-

ляне действительно явились сюда с мирными намерениями, но что это меняет?

Думаю, никто из членов Совета, за исключением перфекты, не удивился тогда этому заключению. Все они знали, что войной, в конечном счёте, всё и кончится, знали уже тогда, когда радары Арка зафиксировали присутствие на орбите Тразиллана земных кораблей.

Сегодня, глядя, как улицы Новой Трои обрастают магазинчиками, в которых хозяйничают словоохотливые земляне, я склонен полагать, что война началась потому, что мы заранее сделали гигантский скачок от нейтралитета к прямой враждебности, минуя период сотрудничества – и ту же умственную операцию проделали на Земле. Война началась потому, что не могла не начаться.

Вряд ли я когда-нибудь смогу объяснить, почему стремление к войне рано или поздно побеждает мирные настроения; всё, что в данном случае приходит мне на ум – банальная экономия времени. Не спешите осуждать меня за легкомысленный вывод. Ведь если в природе человека заложено убивать себе подобных, то, может быть, длительная дипломатическая возня лишена смысла?

Но вернёмся к заседанию Консультативного Совета. Предложение спикера встретили аплодисментами – хлопали, в основном, представители мелких захудалых кантонов, с населением в несколько тысяч человек.

– Ничего не понимаю, – громко сказала Третья, предста-

витель кантона Арк. Она была умна, и потому в Совете её по-баивались. – Кто-нибудь объяснит мне, почему мы говорим о войне, хотя, кажется, даже не выслушали земного посла?

– А тут и понимать нечего, – сказал председатель Оборонного Совета генерал Телемак (ещё одна жертва моды) и отправил в рот конфетку из лежащего рядом пакетика. По уставу ему полагалось всюду носить с собой клубничную карамель. – Смотрите на график, там всё написано.

Раздались смешки. В зал внесли стенд, обёрнутый парчой. Ассистент ловким движением сдёрнул покрывало, и перед собравшимися предстал круг, начерченный маркером на белом фоне.

Поначалу в зале было тихо. Было очевидно, что члены Совета не понимают, что это значит. Потом, словно прорвало плотину, грянули аплодисменты, сопровождаемые возгласами:

- Верно!
- Блестящий аргумент!
- Кратко и по существу!
- Полностью согласен!
- Нет слов!
- Высший класс!
- В жизни такого не видел!

Говорят, историю вершат личности. Говорят, что их сила и страсть движет народами и перекраивает государства на карте. Говорят, что в их решениях воплощается воля Приро-

ды, Вселенной или Бога – кому что больше по душе. Так вот те, кому принадлежали эти возгласы, те, по чьей воле была развязана война, менее всего походили на таких личностей.

Как минимум, двое из них поколачивали жён (и было за что), а один был не прочь заложить за воротник. Тем не менее, они вершили историю. В гибели Новой Трои не было вины Провидения. Даже Дьявол, этот ветхий, давно забытый старик, тут ни при чём. Я так же далёк от того, чтобы утверждать, будто все члены Совета, приветствовавшие войну с Землёй, были подкуплены разведкой какого-нибудь вражеского кантона, желающего умалить нашу военную мощь.

Почему? Потому что когда я думаю о разведке враждебного кантона, я представляю её строгой расчётливой хозяйкой, которая никогда не позволит себе тратить деньги на всякую дрянь.

– Неужели у кого-то ещё остались сомнения в необходимости войны? – торжествующе спросил Телемак, когда аплодисменты стихли.

– Что касается меня, – ответила Третья, – то я вижу круг, причём не идеальный. Лично я могла бы начертить и получше.

– Вы, перфекта, всё всегда можете сделать получше, – проворчал себе под нос представитель Ханаана Олдос Эплби. С тех пор, как с подачи Арка были снижены цены на овощи, экспортируемые его кантоном, Эплби поклялся на призовом кабачке посадить Третью в лужу. Получалось не очень:

был он толст, скучен и глуп.

– Верно, – сказала Третья. – Дайте мне необходимые права, и дела с Землёй я улажу уже сегодня.

– Как это? – поинтересовался спикер.

– Очень просто. Сперва мы с земным посланцем выпьем чаю, потом я покажу ему ваш замечательный город, а к вечеру мы уже подпишем базовое соглашение о сотрудничестве народов Тразиллана и Земли. Вот мой план. Впрочем, если вы и дальше хотите фантазировать на тему войны – пожалуйста.

Третья смолкла и обвела присутствующих пронизательным взглядом серых глаз. Будучи одной из Девяти перфект Арка, она, в отличие от своих сестёр, не была особенно привлекательной. Высокий лоб и маленькие глаза, которые она тщетно старалась увеличить при помощи косметики, делали её похожей на хорька.

– Может быть, следующая диаграмма вас убедит? – спросил Телемак. – Она подготовлена с учётом всех возможных возражений.

Ассистент перевернул плакат с кругом, и все увидели квадрат, нарисованный на таком же белом фоне.

– Это квадрат, – пожалала перфекта плечами. – Что дальше? Треугольник?

Телемак кивнул ассистенту. Следующим действительно оказался треугольник.

– Я поняла, – криво усмехнулась перфекта. – Это розыгрыш. Признавайтесь, кто автор? Вы, Телемак? Очень мило

с вашей стороны. Ха-ха-ха. Давно я так не смеялась. Может, теперь займёмся делом?

– Мы уже занимаемся, – поклонился перфекта Телемак. – Мы обсуждаем будущую войну с Землёй.

– Эта шутка уже устарела, – сказала Третья. – Не пора ли пригласить посла?

– Это не шутка, – покачал головой Аякс.

– А что же это в таком случае? Передо мною квадрат, треугольник и круг. Или я ошибаюсь?

– Это квадрат, – медленно произнёс Аякс, – А это треугольник. Вы всё правильно видите. Война неизбежна.

– Какая чушь! – презрительно фыркнула перфекта. – Самое смешное, что я даже не понимаю, в чём вы пытаетесь меня убедить. Как могут эти фигуры означать, что война неизбежна, когда непонятно даже, зачем она нужна? Если вам не жалко времени на то, чтобы играть со мной в эту дурацкую игру, объясните, по крайней мере, правила!

– Мне очень жаль, – ответил Аякс, – но это отнюдь не игра. Что же касается вашего вопроса, вы правы и неправы. Безусловно, ни квадрат, ни круг не могут служить доказательством чего бы то ни было. Все, что они означают – это самих себя. Этой маленькой демонстрацией мы просто хотели сказать, что на свете существуют вещи очевидные, как дважды два. Вы же не станете сомневаться, что круг это круг? Достаточно просто взглянуть на него, чтобы в этом удостовериться. То же самое обстоит с войной. Необходимость её

очевидна. Другое дело в том, что мы не можем говорить о ней так же открыто, как о квадратах или кругах. Есть определённые правила хорошего тона, которых мы, будучи высокопоставленными людьми, должны придерживаться. Согласно этим правилам, все, что мы можем себе позволить в данных обстоятельствах, это намёк. Вот мы и намекаем.

– Да? – сказала Третья. – И на что именно? Почему война так необходима?

– А это вы знаете и без нас.

– Нет, не знаю, – упрямо сказала перфекта.

– Да зна-аете, – протянул Телемак. – Нечего притворяться. Сегодня каждый ребёнок знает, зачем нужна война.

– А вот я не знаю. Просветите меня, будьте так любезны.

– Милая! – мягко ответил Аякс. – Именно просветить мы вас сейчас и пытаемся. Если бы мы во всеуслышание рассуждали, что именно способна дать нашей планете война, нас бы любили, да – но не избирали. Такова современная политика: вы можете владеть тысячами атомных бомб, но говорить обязаны исключительно о мире, можете тратить гигантские суммы на разработку новых вооружений, но в публичных речах должны на первое место ставить расходы в социальной сфере, можете быть последним прощельгой, но если в вашей речи не упомянуты мораль и высокие принципы, вас не пустят на трибуну. И вот вы рассуждаете о всеобщем разоружении или о бесплатном медицинском страховании, и это приносит вам голоса. Но вот доходит до дела (а делом

чаще всего оказывается что-нибудь вроде войны или отмены пособия по безработице), и старые аргументы уже не годятся. Нельзя повышение цен на продукты оправдать заботой о голодающих. Тогда в ход идут квадраты и круги – это самый простой способ сказать что-то, не сказав ничего. Пусть каждый понимает, как хочет, и скажу вам по секрету: все понимают именно так, как нужно. Да и вы сами – разве вы не чувствуете, *что* витает в воздухе?

В этот момент один из членов Совета открыл окно, и в зал дохнуло весной. В прохладном, сыроватом воздухе отчётливо чувствовалась та пьянящая, дикая и своевольная сила, что заставляет тысячетонные глыбы льда сталкиваться лбами, леммингов – сотнями прыгать с обрыва, а круторогих горных козлов – крушить друг другу черепа. Наверное, именно таким воздухом дышал Кортес, когда въезжал на андалузском скакуне в покорённый Теночтитлан, а тысячи ацтеков несли ему навстречу бесчисленные дары.

Это был воздух, от которого широко раздувались ноздри, и сладко ныло сердце, воздух, обещающий вечную радость и вечную славу.

– Кажется, я поняла, – сказала перфекта, когда порыв ветра улёгся, и тот же член Совета затворил окно.

– Вот и славно, – улыбнулся Аякс. – Поймите, что мы руководствуемся общечеловеческими соображениями, и прежде всего...

– Да-да, – прервала его перфекта. – Именно что прежде

всего. Прежде всего, от лица кантона Арк я заявляю решительный протест против любой вашей глупости по отношению к Земле. Это ваш последний шанс превратить всё в шутку, спикер.

– Увы, – покачал головой Аякс. – Протесты уже не помогут. Разве что вы можете подать письменное заявление, осуждающее решение Совета. Оно будет рассмотрено в течение следующих трёх месяцев.

Кровь отхлынула от лица перфекты.

– Вы прекрасно знаете, что будет слишком поздно, – сказала она.

– Совершенно верно, – согласился Телемак. – Карамельку?

На этом месте меня вежливо попросили прекратить запись. Могу сказать лишь, что в последующем голосовании перфекта осталась в одиночестве, а на следующее утро весь город был увешан плакатами с квадратами и кругами. Надпись на плакатах везде была одна и та же: «Готовься к неизбежному». Что означало это «неизбежное» – не уточнялось.

Поначалу на все попытки убедить население в необходимости войны я не мог смотреть без содрогания: настолько нелепой казалась мне идея, что разумные люди будут убивать друг друга, если им показать квадрат или круг. Однако я ошибся. Нельзя недооценивать привлекательность войны, особенно если ведётся она за правое дело, за счастье всех людей, или за то, чтобы войн никогда больше не было.

Однажды я уже писал о том, какую важную роль играют войны в истории человечества. Это была заказная статья для армейского еженедельника. Вот она, если кому-то надо:

Почему война для нас – благо?

«Где будешь ты, когда пробьёт набат?
Заслонишь ли Отчизну своим телом?
Докажешь ли – не словом, нет, но делом! –
Что ты всем беззащитным друг и брат?»

Артём Саушкин, 15 лет.

Из ежегодного сборника юношеской лирики

«Прекрасны чистые сердца».

Война! Держу пари, дорогой читатель, что это слово вызывает у тебя не самые приятные ассоциации. Боль, кровь, смерть, голод и лишения – всё так или иначе связано с войной. Однако давай смотреть правде в глаза: если уж война неизбежна, то самое глупое, что можно сделать – это расписывать её ужасы, подрывая тем самым твой и без того невеликий боевой дух.

Напротив, в преддверии войны надлежит всячески восхвалять грядущее кровопролитие, подчёркивать его особое значение и символизм, а также пользу – ибо мирное на дворе время или военное, а о пользе мы печёмся всегда. Именно с этой целью и написана данная статья; простыми и ясными словами она объяснит тебе, почему война для нас – это благо.

1. Борьба с перенаселением. Именно так, дорогой

мой – просто оглянись вокруг. Тебе не кажется, что людей стало как-то многовато? А ведь любой из них желает для себя тех же жизненных благ, что и ты, при том, что благ на всех хватать не может. Ты же не хочешь, чтобы тебя оттёрли в сторону? Чтобы забрали у тебя – твоё? Тогда война – твой выбор. Пусть голодные рты, зарясь на чужой кусок, перебьют друг друга – тебе больше достанется.

2. Прогресс. Да, война – это прогресс. Ты удивлён, не так ли? Ничего странного. Во-первых, в военное время семимильными шагами идёт вперёд медицина – солдатам нужны новые антибиотики, заживляющие средства, вакцины и т. д. Развивается хирургия – ампутации, проникающие ранения, черепно-мозговые травмы... Скажу так: мы меньше бы знали о внутреннем устройстве человека, если бы война не распахивала его перед нами с присущей ей бесцеремонностью.

С людьми всё ясно, теперь поговорим о технике. Война – это новые сплавы, новые источники энергии и новые конструкторские решения. Атомная энергия, освобождённая сначала во взрыве, теперь служит нам на мирных электростанциях. Вот так-то!

3. Эстетика. А ведь война – чертовски красивая штука. Ну, сам посмотри: все эти мундиры, знамёна, ордена, парады, построения, марши – разве это не задевает в тебе потаённые струнки, не заставляет трепетать твоё сердце? Разве ты не хотел бы и сам быть таким же вот красавцем военным? Какая

женщина устоит перед мундиром?

И потом, эти благородные качества: храбрость, мужество, героизм, отвага, честь – часто бы мы имели возможность проявить их, не будь войны? А их порочные близнецы: ненависть, злоба, жестокость, агрессия – куда бы мы девали их в мирное время?

Вот видишь, читатель, сколько полезного заключает в себе обыкновенная война! А чтобы ты окончательно уверился в том, что грядущая схватка с Землёй не представляет для нас никакой опасности, приведу слова лучших полководцев Новой Трои – истинных профессионалов своего дела, что в скором времени поведут нашу великую армию к победе над подлыми захватчиками. Пусть сказанное ими навеки отпечатается в твоём сердце!

Полковник Винкль: *«Сегодня каждый мужчина – солдат, а каждая женщина – мать солдата. Поэтому от лица Оборонного Совета обращаюсь ко всем несовершеннолетним юношам и девушкам, ведущим беспорядочную половую жизнь. Не поддавайтесь соблазну использования контрацептивов, берите на себя ответственность за свои поступки! Откуда возьмутся солдаты, готовые ради блага всего человечества идти на верную смерть, если вы помешаете им родиться?»*

Генерал-майор Нортон: *«Уничтожить врага – полдела. Прежде чем сложить оружие и начать праздновать победу, убедись, что поблизости не осталось его живых друзей или родственников».*

Главнокомандующий генерал Нойерман: «Любой, кто в этот трудный час откажется встать на защиту Родины – трус, предающий саму жизнь!».
Ю. П.

Где теперь все эти люди? Весь старый мир куда-то пропал... Уже не секрет, что генерал Нойерман получил своё место лишь благодаря ошибке военного компьютера, который обошёлся казне в шестьдесят миллионов драхм (это не мешает генералу получать хорошую пенсию).

Главный виновник нашего поражения полковник Винкль из бравого военного переквалифицировался в мирного филателиста, и в его коллекции собрано бесчисленное множество редких марок.

Генерал-майор Нортон выращивает на своём участке отличные овощи и охотно просвещает всех желающих, как добиться того же.

А я – я могу утешать себя тем, что мне удалась эта статья. Во всяком случае, когда настал мой черед отправляться на войну, я сполна ощутил, что значит быть «трусом, предающим саму жизнь».

Мои будущие обязанности на фронте не сулили особой опасности: в качестве полевого корреспондента я обязан был повсюду сопровождать 13-й Новотроянский полк и подробно описывать его подвиги. Но, будучи человеком, любящим комфорт и ненавидящим опасность, я решил отказаться. В надежде разозлить редактора «Голоса Новой Трои», чтобы

тот отправил вместо меня другого, я спросил, следует ли мне писать правду обо всём, что увижу. Потому что, по моему мнению, сказал я, то, что мы пишем обычно, не имеет к правде никакого отношения.

– Можешь писать правду, – ответил редактор неожиданно добродушно. – Разумеется, помимо прочего. Только не перебарщивай с чернухой, публика этого не любит. Лучше всего сейчас пойдёт скупая хроника, разбавленная каким-нибудь сердечным солдатским письмом. Если не найдёшь такого, напиши сам. Главное – ничего не бойся.

– Но ведь эта война совершенно бессмысленна, – сделал я ещё один заход. – Никто даже не знает, ради чего она ведётся.

– Тебя забыли спросить, – усмехнулся редактор. – Любая война бессмысленна. Это твоя задача как журналиста: сделать её осмысленной для читателей. И смысл в неё ты сможешь вложить, какой захочешь. Да и разве тебе неинтересно, чем всё закончится?

– Интересно, – сказал я. Мне действительно было интересно. Мне и сейчас интересно: чем же она закончилась?

– Ну, так поезжай! – воскликнул редактор. – Или ты ещё что-то хочешь сказать?

– Хорошо, – сдался я. – Вот вам мои карты. Мне нравится жить, и я боюсь умереть. Очень боюсь. Я страшный трус. А ещё я не люблю героев. Я не намерен рисковать своей головой ни ради читателей, ни ради Отечества, ни ради какой-либо другой высокой идеи. Я не согласен умереть ради того,

чтобы обо мне написали в какой-нибудь глупой книжке. И оружие я не люблю. Может, я и не особо впечатлительный: всякий раз, как я смотрю на чью-нибудь винтовку, я вижу только один труп, свой собственный, но мне и этого хватит за глаза. Так что плевал я на всё это – на ордена, на звания, на героизм и на самопожертвование, – плевал с высокой башни. И да, ещё кое-что: на «слабо» меня не взять, не надейтесь.

Это была чистая правда. Мне действительно было на это плевать. Я отлично жил без всяких подвигов и потрясений, и хотел бы так жить и дальше. Конформизм чистой воды – но кто из нас не желал бы хоть немного побыть конформистом?

– Ты не трус, ты эгоист, – поморщился редактор. – Видал я таких на своём веку. И вот тебе мой ответ: не хочешь делать то, за что тебе платят, проваливай. Что скажешь?

– Мне всё равно. Я кое-что скопил, так что с голода не умру.

– Тебе всегда всё равно, – заметил он. – Женщины таких не любят. Немудрено, что ты до сих пор не женат.

– Я пришлою за вещами, – сказал я. – До свидания.

И вот пока я, свободный и ненужный, бродил по улицам Новой Трои, вокруг меня вовсю кипела подготовка к войне. В те незабвенные дни наряду с патриотическими настроениями достигла своего пика и паранойя. Мнительностью страдали все: лавочники, нищие и министры. Я слышал искреннюю тревогу за будущее Тразиллана в голосах даже тех знакомых, которые до этого демонстрировали равнодушие ко

всему, за исключением дешёвого портвейна.

В воздухе витали самые фантастические слухи: кто-то якобы видел грузовик с полным кузовом секретных документов, выезжающий из ворот Новой Трои. За рулём, понятное дело, был шпион – из Орисса, Гранда или любого другого кантона, желающего Новой Трое зла.

Говорили и о человеке в костюме жирафа, который бродил по улицам и заглядывал в окна домов. Неизвестно, что пытался сказать последний, но его вклад во всеобщее беспокойство был неоспорим.

Апогей безумия пришёлся на пропажу макета города, созданного лучшим скульптором Новой Трои специально для заседаний Оборонного Совета. Макет представлял собой маленькое произведение искусства. В нём было все: переулки, тайные ходы, и даже схема городской канализации. Любой, кому он попал в руки, мог считать, что город им уже взят.

Реакция на пропажу столь ценного предмета последовала стремительная. «Голос Новой Трои» немедленно напечатал статью, из которой любой гражданин, до этого даже не подозревавший о существовании макета, мог узнать о его пропаже и перепугаться до смерти.

Поднялась паника, начались обыски, плавно переросшие в погромы. Члены Оборонного совета сформировали комитет по выявлению предателей, а в рамках этого комитета – ещё один, чьей задачей было вычистить изменников уже из внутреннего круга. Поговаривали о двух или трёх комитетах,

настолько секретных, что те, кто состоял в них, сами не подозревали об этом.

Механизм поиска виновных был запущен. Какие только версии не выдвигались – всей книги не хватит, чтобы привести хотя бы десятую их часть! Все они, разумеется, подразумевали государственную измену.

Но кто предатель? В этом вопросе мнения расходились. Кто был поглупее, подозревал своего соседа. Кто поумнее – метил выше, в непосредственное начальство. Нашёлся человек, который объявил предателем самого себя. Сделал он это, чтобы привлечь внимание женщины, до того к нему безразличной. Впоследствии мне удалось выяснить, что они, благополучно сыграв свадьбу, через месяц развелись: он оказался рохлей, неспособным и драхмы заработать самостоятельно, она – сплетницей и истеричкой. Стоило ли мучиться?

Наиболее интересные результаты давали не государственные, а частные дознания. Так, хотя макет и не был обнаружен, в ходе учинённых гражданами Новой Трои судов Линча погибло шестнадцать человек. Из них трое были до неприличия богаты, четверо питали слабость к чужим жёнам, восемь любили занимать деньги, но забывали отдавать, а один просто никому не нравился.

Всего же за три дня, в течение которых продолжался поиск макета, в комитет по выявлению предателей поступили сведения о более чем четырёхстах заговорах, как антипра-

вительственных, так и угрожающих непосредственно миру-зданию.

Двести восемьдесят семь таких заявлений были подкреплены документами и свидетельствами авторитетных экспертов. По некоторым заговорам расследование ведётся и теперь – уже земными ведомствами, сменившими тразилланские.

Такова сила инерции.

На славу поработал и Секретный комитет. Из двадцати генералов, входивших в Оборонный совет, по подозрению в измене арестовали тринадцать. Одного из них взяли, когда он у себя дома варил суп. Специальная комиссия, проведя экспертизу, установила, что в состав супа входили картофель, морковь, укроп, петрушка, лавровый лист и мясо, опознанное как курятина.

Все эти данные самым тщательным образом приобщили к материалам обвинения. Тот факт, что за генералом числилось восемь правительственных наград, в том числе и высшая – «Золотое сердце» – суд интерпретировал как лишнее доказательство того, что тот является не только чрезвычайно опасным шпионом, но ещё и политическим мазохистом, то есть человеком, которому доставляет удовольствие ревностно служить разрушаемому им делу.

Та же судьба ожидала и остальных. Как показала проверка, всё это были чрезвычайно толковые, а значит, по мнению проверяющей комиссии, наиболее склонные к предательству

люди.

Всех их приговорили к смерти через повешение. Лучшей плотницкой мастерской в городе было заказано нужное количество виселиц – прочных, удобных и радующих глаз.

Спасение пришло неожиданно. За полчаса до казни макет всё-таки нашёлся: оказывается, один из членов Оборонного Совета, признанный комиссией абсолютно благонадёжным, тайком унёс его домой, чтобы показать сынишке. Тому новая игрушка понравилась, и когда пришла пора с ней расставаться, он начал капризничать и плакать. Несколько раз генерал порывался силой забрать стратегически важный макет у ребёнка, но его останавливали педагогические соображения. Снова и снова он задавал себе вопрос: а не отыгрывается ли он на отпрыске за своё несчастливое детство – и макет оставался на прежнем месте.

Нельзя сказать, чтобы малыш использовал главный козырь Новой Трои не по назначению – он, в полном соответствии с замыслом автора, приспособил его для игры в солдатики. Когда макет удалось, наконец, отобрать (взамен юному упрямцу пообещали саблю), один из солдатиков так и остался торчать на балконе здания Консультативного Совета, и генералы, планируя кампанию против Земли, использовали его для обозначения гвардейского полка.

А ровно через две недели после пропажи злополучного макета состоялось первое и последнее сражение в этой войне. Силы кантонов и наспех собранное конгарское опол-

чение (мы даже не позаботились снабдить наших союзников-аборигенов современным вооружением – так они и воевали с копьями и луками) были наголову разгромлены земными войсками под командованием генерала дю Лака.

Аналитики говорят, нас сгубили (в алфавитном порядке): некомпетентность командования, низкий боевой дух, отсутствие внятной стратегии и чрезмерная самоуверенность. Не забудем ещё про банальную глупость, хоть она и не поддаётся анализу. И вот, всего за один день мы остались без армии и правительства (ура!), зато с неясными планами на будущее (увы!).

А ещё в том сражении по официальной версии погиб Гиркас – это тоже потеря, пусть и небольшая. Человек только наполовину, он был в одной из конгарских рот, предпринявших самоубийственную атаку на позиции землян. Роту накрыло огнём артиллерии, так что хоронить конгаров пришлось в общей могиле. Где кончается Конкас и начинается Дункас, разобрать было невозможно – неудивительно, что и Гиркаса сочли мёртвым, и даже почтили его память некрологом, чего он, по правде говоря, не заслуживал.

Однако Гиркас остался жив – непонятно как, непонятно зачем. И вот мы сидели с ним в кафе, а вокруг цвела весна.

В одном его некролог не врал: Гиркас был Дун Сотелейненом, и он действительно два года назад, ещё до войны с Землёй, прекратил Торакайскую Бойню. Что такое Дун Сотелейнен, никто не знает, а Торакайская Бойня – это была

крупнейшая конгарская война за всю историю Тразиллана: сорок миллионов мертвецов и двадцать триллионов драхм прибыли для нас, землян.

Недурное мы провернули дельце!

С Гиркасом я встретился для того, чтобы выяснить одну вещь: как получилось, что этот глупый, бестолковый человек остановил свою войну, а мы, разумные люди, свою остановить не сумели?

Что он сделал такого, чего мы не сделали?

– Только не говори, что в твоём некрологе всё неправда, – спросил я его, когда бутылка опустела. – Конечно, местами «Голос» перегибает палку, вот как в отрывке, который тебе так не нравится, но в целом мысль заявлена верная: как ни крути, а ты совершил настоящий подвиг. Остановить войну, которая продолжалась пятьдесят лет, это тебе не хухры-мухры. Это поступок. Подвиг, если хочешь знать моё мнение.

– Чушь! – отмахнулся Гиркас. – Чушь, чушь и ещё раз чушь! Всё, что там написано – враньё! Всё до последнего слова! В гробу я видел их похвалы! «Явил всё лучшее, что вложила в него родная земля» – это ж надо было такое придумать! Да ты только подумай, Юн: никто ведь до сих пор никто не знает, чего я принёс больше – пользы или вреда!

– Ты просто злишься, что твой некролог на последней полосе, а не на первой, – поддел я его.

– Пускай. Но не говори, что мне ты веришь меньше, чем дрянной газетёнке!

– Увы! – я развёл руками. Гиркас нахмурился и заказал у пробегающего мимо официанта четвертинку креплёной настойки.

– Рановато ты сегодня, – заметил я.

– Не твоё дело, – хмуро отозвался Гиркас. Однако его плохого настроения хватило ненадолго. Уже через минуту на его лице появилась ухмылка, которую я хорошо знал. – Так ты хочешь знать, как всё было на самом деле? Как я остановил эту дурацкую Торакайскую бойню?

– Не-а, – покачал я головой. Мне очень хотелось услышать его рассказ, но я по опыту знал, что демонстрируя интерес, не добьюсь от Гиркаса ничего, кроме пустой похвальбы. – Не надо ничего рассказывать. Давай лучше помолчим.

– Врёшь! – рассмеялся Гиркас. – Теперь уж не отделаешься. Слушай.

И он рассказал мне, как всё было на самом деле, с одним условием – чтобы я никому не проговорился. Но вы ведь меня не выдадите, правда?

Глава первая

Блудная дочь Кантона Арк

Если верить Большой Одиссеевой книге, в кантоне Новая Троя насчитывается ровно тысяча сто тридцать четыре закона. Дун Сотелейнену один из них предписывает – в несколько старомодных выражениях – «всегда держать открытыми глаза и уши, встречать каждого просителя как собственную судьбу, не отказывая в помощи и не требуя никакой платы».

Вот почему Гиркас, рассказывая мне эту историю, находился в некотором смущении: мало чести в том, чтобы прятаться от судьбы в платяном шкафу, и не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом.

Именно так: когда в его конторе раздался звонок, он спрятался в шкаф. Меня всегда интересовало, зачем он держит в своём кабинете это громоздкое чудовище, и однажды, когда был у Гиркаса в гостях, он позволил мне заглянуть внутрь.

Внутри на толстой перекладине висели пыльные брюки, пиджак в клеточку, подаренный, по словам Гиркаса, дядей (дядя этот и выхлопотал для него место Дун Сотелейнена), и выходные рубашки, пахнувшие застарелым потом. Дно шкафа устилало толстое ватное одеяло, из складок которого Гиркас не без труда извлёк початую бутылку и бутерброд, предусмотрительно завёрнутый в целлофан.

Бутылку мы допили, и я, воспользовавшись гостеприимством Гиркаса, убедился, что всего пара глотков способна сделать это импровизированное убежище настолько уютным, насколько таким может быть помещение, где едва хватает места, чтобы сидеть, прижавшись коленями к подбородку.

И вот, неведомый гость жал на кнопку звонка, а Гиркас сидел в шкафу. В таких случаях он обычно затыкал уши ватой и ждал, но это, видно, был не его день: пять минут спустя, первым, что он услышал, вытащив затычки, был всё тот же гнусавый трезвон, доносящийся из прихожей. Гиркас вздохнул.

– Конкас, – хрипло позвал он, – Конкас, где ты, чёрт бы тебя побрал? Гони их!

Конкас был чистокровный конгар и занимал при Гиркасе должность секретаря. Отношения у них были сложные. Иной раз мне даже казалось, что ближе людей нет на свете – так ненавидели друг друга эти двое. Сейчас я уверен, что причина такой тесной связи была куда более прозаичной: поскольку в реестрах Новой Трои и в конгарских списках Конкас числился мёртвым, Гиркас с чистой совестью присваивал себе его жалование. Нельзя сказать, чтобы это было совсем уж несправедливо: единственное, что Конкас делал добровольно – это спал и ел.

Смирившись с тем, что его похоронили и отпели, он постепенно утратил инстинкт самосохранения и со временем

сделался равнодушен даже к пожарам и ограблениям. А уж если Дун Сотелейнену, как теперь, всего-навсего угрожали посетители, Конкас готов был ругаться до хрипоты – лишь бы не двигаться с места.

– Да чтоб тебя! – проворчал Гиркас, не дождавшись ответа. Опять он зависит от Конкаса: всякий раз, когда тому неохота работать, приходится вылезать из шкафа и впускать в уютную контору суетливый раздражающий мир.

Гиркас вздохнул и, нашарив под столом домашние тапочки, поплёлся в прихожую, к зеркалу. Если уж открывать, то надо проверить, прилично ли он выглядит. В прошлый раз, не побрившись, он здорово напугал соседку, пришедшую одолжить карандаш. Кажется, она приняла его за конгара-насилъника, даром, что на неё и конгар бы не польстился.

Зеркало, покрытое сетью трещин, послушно отразило бледное лицо, обрамлённое, в дополнение к немытой шевелюре, бачками, из которых левый был длиннее правого. Общую унылость физиономии лишний раз подчёркивали несколько волосков, торчащих из мягко очерченного женского подбородка – несмотря на все старания, Гиркасу никак не удавалось отрастить порядочную бороду. Разглядывая своё лицо, всё такое же наивное и по-детски пухлое, несмотря на двадцать три прожитых года, Гиркас поймал себя на мысли, что в дверь больше не звонят.

«Ушёл», – подумал он с облегчением.

– Конкас! – Гиркас подошёл к секретарю и пнул его в

бок, – Проснись, дурак. Сколько раз я тебе говорил, что когда к нам кто-нибудь ломится, ты должен мне подыграть, а не лежать кулём!

– От всех не отплюётесь, – затараторил Конкас, не открывая глаз. – Да и не боится меня никто, вот вы знакомого вашего спросите. Ходит он сюда, когда вас нет, и берёт, что хочет, сахар берёт, вино, а вы на меня кричите, будто мне оно надо – себя обкрадывать. А мне, к слову, тридцать восьмой год идёт, не молодой уже. У нас, конгаров, так положено: дожил до сорока, значит, вовсе не помрёшь. Рассказывают, бабка моя и до ста жила бы, да только волк её на седьмом десятке загрыз. На куски, значит, порвал, а в юбке запутался. Вышел мой дед на крыльцо и видит: юбка туда-сюда мечется. «Совсем ополоумела, старая», подумал да и застрелил её от греха подальше. А как посмотрел, так ахнул: «Вот с кем я под одной крышей живу. А ну-ка соберитесь передо мной, сукины дети: кто из вас, как покойница, перекидываться умеет? Дядья от страха трясутся – выгонит ведь, а в степи одному – смерть. А батя мой взял *рикайди*, да и развалил деда надвое, вот так», – Конкас провёл линию от шеи до пупка, – Братья, конечно, не одобрили, ну он их и выгнал на мороз, дескать, мне тут волчьи прихвостни не нужны. Так мы вдвоём и остались. Я тогда к лету блесну мастерил, показал ему, он мне и говорит: «Недурная штука, хоть на зычницу, хоть на маракчу». Что и говорить, хорошо жили...

– Ты мне зубы не заговаривай, – прервал Гиркас, раздоса-

дованный тем, что Конкас так легко захватил инициативу. – Какой такой знакомый? Ты о чём мелешь?

– Тощий такой, чернявый, – охотно пояснил Конкас, – Он постучит в окно – я и впусу. Что я, изверг – не впустить? Скажу только: не трожь машинку печатную, добрый человек, я за неё головой отвечаю. Разговариваем с ним: очень сердечный, все, как здоровье спрашивает.

– Какой же это мой знакомый? Я такого не знаю.

– А я, что – спрашивал, что ли? Мало ли какой – может такой, что лучше и не знать.

После непродолжительного раздумья Гиркас не нашёл способ парировать этот аргумент. Он глубоко вздохнул и со- считал про себя до десяти.

– В любом случае, – сказал он, наконец, – ты должен знать, что делать, когда у нас посетители.

– Да знаю я, – проворчал Конкас, умудрившийся за несколько секунд вновь задремать, – Сколько раз твердили, аж голова болит...

– Ах, знаешь! – в эти слова Гиркас вложил весь доступный ему сарказм, – Вот это что-то новенькое! Ну, раз знаешь – повтори.

– Это зачем ещё?

– А затем, что я хочу слышать, помнишь ты или нет.

– Незачем вам это слушать, – проворчал Конкас. – Что привязались? Разве это дело – так человека мучить? Я немолодой человек, в конце концов. У нас, конгар, говорят...

– Да плевать мне, что у вас говорят! – возмутился Гиркас. – Я тебя по-человечески прошу, а ты?

– А я что? Вот будет следующий раз, так я мигом! – и с этими словами Конкас перевернулся на другой бок и демонстративно засопел.

Глядя на его тощую спину, Гиркас поймал себя на мысли об убийстве. Нет, правда, отчего бы его не прикончить? Никто за это не накажет, ведь официально Конкас уже мёртв. Всё лишь вернётся на круги своя, а он подыщет себе нового секретаря. Пусть он будет кем угодно: вором, пьяницей, сумасшедшим, только бы не конгаром.

На минуту в апартаментах воцарилась тишина, прерываемая только свистящим храпом Конкаса и тиканьем часов в кабинете. Эти два звука обладали поистине чудесной способностью притуплять все имеющиеся у человека чувства: даже обзлётные кредиторы Гиркаса, услышав их, теряли напор и позволяли отвести себя на кухню, напоить чаем и выторговать ещё одну отсрочку.

На Гиркаса же они, в силу привычки, действовали как лёгкое успокоительное. В конце концов, сказал он себе, всё и так кончилось хорошо: посетитель ушёл, не доставив проблем, да и Конкас в этот раз не слишком капризничал. До аванса осталось потерпеть всего три дня, уж это время пролетит быстро, а там, если посчитать, и до зарплаты недалеко.

С зарплаты Гиркас рассчитывал пополнить гардероб парой носков – в отношении одежды он придерживался того

мнения, что излишества вредны, – и заказать хвалебную статью о себе в «Голосе Новой Трои». Предыдущая статья о Дун Сотелейнене явно заставила горожан думать, что Гиркас не просто жалкий и никчёмный человек, но – и это намного хуже – ещё и бездельник, бесстыдно живущий на содержании у честных налогоплательщиков. Чем ещё объяснить то, что на другой день после публикации этого жалкого пасквиля он услышал на улице следующий разговор:

– Да этот малый даже не знает, каковы его обязанности! – хрипло говорил обладатель свежего «Голоса».

– Да уж, – вторил ему собеседник, – И где таких только берут!

– Нет, ты подумай, – горячился первый, – каких делов он может натворить, если...

– Если что? – спросил второй, не дождавшись продолжения.

– Ну, если он будет делать неправильно то, что делает...

– А что он делает?

– Да это же... Ну... Слушай, а ведь чёрт его знает, – растерянно произнёс первый. – Вот сроду не понимал, чем занимается Дун Сотелейнен.

– Это что, секрет какой-то? – недоверчиво спросил второй. «Очевидно, он из другого кантона», подумал тогда Гиркас.

– Да нет, какой тут секрет! – отмахнулся первый. – Хочешь, другого спроси. Хотя, знаешь, я вот только что поду-

мал: а ведь этого никто не знает.

– И зачем он вам тогда вообще нужен?

– Ну как – зачем? – развёл руками первый. – Жалко! Какой-никакой, а человек. Что же, погибать ему, если он ни для чего не годится?

Разговором этим Гиркас остался крепко недоволен. Сказать по правде, он и сам не знал, в чём заключаются его обязанности. За то короткое время, что он успел пробыть Дун Сотелейненом, ему пришлось столкнуться с вещами, порою так далеко отстоящими друг от друга, что составить из них цельную непротиворечивую систему у него не было возможности. Однажды он пожаловался мне, что перестал различать «хорошо» и «плохо».

– Когда сегодня ты миришь враждующие стороны, а завтра помогаешь закапывать труп, – говорил он, – тебе становится не до обобщений.

Я думаю, что в какой-то момент он догадался, что за обязанности в его положении можно выдать всё, что угодно, даже сидение в шкафу, и служба волей-неволей стала для него полем для экспериментов. Проведя несколько опытов, он установил, что звание Дун Сотелейнена не даёт ему права трогать замужних дам в присутствии мужей, получать пособие по инвалидности или проходить в кино вне очереди, так что в своём стремлении зайти как можно дальше Гиркас счёл разумным ограничиться шкафом.

Туда он направился и в этот раз, но не тут-то было.

– Прошу прощения, – раздался за его спиной женский голос, приглушенный входной дверью. – Но я ещё здесь. Вы меня слышите?

Гиркас замер, как вкопанный. Голос – глубокий, тёплый и бархатистый – заставил его нервно сглотнуть слюну.

– Вы меня слышите? – повторила посетительница спокойно, но твёрдо, словно обводя каждое слово для пущей важности. – Я знаю, что вы стоите за дверью. Здесь находится офис Дун Сотелейнена? Мне нужно увидеться с ним по очень важному делу.

Невольню Гиркас послушался, и, стараясь не наступать на Конкаса, отпер замок. Полоска дневного света легла Конкасу на лицо, отчего тот недовольно заворчал, но Гиркас вдруг резко позабыл о нерадивом помощнике. Женщина, представшая перед ним, показалась ему прекраснее всех, кого он когда-либо видел.

Воистину, красота её не была ни хищной, ни злой, как это бывает у иных красавиц, напротив, всё в ней дышало гармонией и миром. Крохотные, едва заметные морщинки в уголках рта говорили о том, что она часто улыбается, и в глазах её при виде изумлённого Гиркаса нет-нет да мелькало весёлое любопытство, которое испытывает, глядя на мир, человек разумный и добрый. Это была живая дружелюбная красота, которая пусть и уступает своей жестокой родственнице в умении разбивать сердца, зато многократно превосходит её способностью любить.

Вместе с тем, несмотря на зрелость и мудрость, было в ней что-то от маленькой девочки – та живость и открытость вещам и людям, готовность всякий раз по-новому смотреть на то, что тысячу раз пережито, перепробовано, затёрто до дыр. Была она удивительно свежа, как свеж воздух после грозы – и вот, прекрасная в своей простоте, стояла на пороге затхлой каморки, из которой Гиркас уже две недели не выносил мусор.

А что же Гиркас? Он, конечно, ошалел, но уж точно не от её величия. Вот уже полгода он не видел так близко ни одной женщины, а это, как известно, дурно сказывается на душевном здравии. Теперь же, когда женщина, да ещё и столь красивая, сама постучалась к нему в двери, он буквально был вне себя от счастья.

И вот он стоял и глазел, глазел, глазел, пока незнакомка не выдержала:

– Что с вами? – спросила она. – Я вас не напугала? У вас очень бледное лицо.

– Н-ничего, – пробормотал Гиркас и сглотнул слюну. Вырез её платья, казалось, воплощал собой Тайну. «О, Афродита Пенорождённая!», – всплыли в памяти строчки стихов, однако во рту у него пересохло, и всё, что он смог из себя выдавить, было:

– Почему вы не заходите?

– Я кое-что прочла у вас на двери, пока ждала, – сказала гостья. – Это правда, что для усиления безопасности по

всему помещению вашего офиса распылены семена растения хой-хой?

– Вы про эту записку? – Гиркас поспешно выглянул за дверь и сорвал клочок бумаги. – Это ерунда. Глупости!

– Но я точно знаю, что эти семена ядовиты, – незнакомка оказалась настойчивой. – Почему вы так спокойно говорите об этом? Ведь если случится утечка, под угрозой окажется множество жизней!

– Говорю вам, это враньё, – поспешил заверить её Гиркас. – Мы с Конкасом поспорили, что записка отпугнёт посетителей. Как видите, я проиграл.

– Кто это – Конкас? – во взгляде незнакомки светилось вежливое любопытство. Глядя на её лицо, прекрасное как у греческой статуи, Гиркас подумал: «Вот бы поцеловать её прямо в губы». Любой конгар на его месте давно бы это сделал, но Гиркас был цивилизованный человек, и потому сказал лишь:

– Конкас – ну, это Конкас.

– Я понимаю, – кивнула незнакомка. – Это он храпит сзади вас, в прихожей?

Действительно, Конкас храпел, и храпел громко. Начинаясь звук с тоненького, нежного свиста, затем набирал силу и завершался мощным рыкающим аккордом, от которого усы Конкаса поднимались, словно от сильного ветра.

– Какие ужасные звуки, – сказала гостья. – Вы, должно быть, совершенно не заботитесь о его здоровье. Так храпит

человек, который находится при смерти!

– Ну и что? – пожал плечами Гиркас. – Подумаешь! Всё равно до сорока не доживёт. Но что мы с порога разговариваем? Проходите, располагайтесь!

Он снял цепочку с крючка, распахнул дверь как можно шире, а сам отступил вглубь коридора.

Женщина перешагнула через спящего Конкаса и наставительно произнесла:

– Любой человек заслуживает уважения. Помните это, пожалуйста.

– Обязательно, – сказал Гиркас, и, пропустив незнакомку, дал Конкасу пинка.

Пока глаза гости привыкают к сумраку прихожей – лампочку, перегоревшую в первый день службы, Гиркас так и не заменил, – я воспользуюсь случаем, чтобы описать обстановку в его офисе.

После предыдущего Дун Сотелейнена – тот сделал себе выгодную партию, женившись на дочери зеленщика (было время, когда Гиркас ему откровенно завидовал) – офис достался Гиркасу порядком запустевшим. Углы затянула паутина, на подоконнике скопилась пыль, а из мебели было только пресловутый шкаф.

Устроиться Гиркасу помогли соседи. Их стараниями в офис перекочевали письменный стол, тумбочка, массивное бюро из красного дерева, несколько разномастных табуретов и плетённый стул – всё это, находясь в одном месте, нисколь-

ко не сочеталось друг с другом, отчего комната больше походила на барахолку, чем на деловой кабинет.

Над столом, за которым Гиркас принимал гостей, прибитое к листу фанеры, висело *рикайди*. Это загадочное приспособление, служащее конгарам в качестве церемониального оружия, Большая Одиссеева книга определяет, как «нечто металлическое с характерным кислым привкусом». Результат его воздействия на человека разнится от свидетеля к свидетелю. Гиркас, подогрев воображение шампанским, хватался однажды, будто бы при определённых обстоятельствах эта штука вызывает у противника приступ паники и жжение во рту. Вместе с тем в трезвом виде он не раз сожалел о потраченных восьми драмах – именно столько, не считая налога, ему стоила эта туземная диковинка.

Сейчас кабинет Гиркаса носил на себе следы недавнего обеда. Незнакомка с вежливым любопытством осмотрела стол, остановившись взглядом на подсохшей лужице соуса и тарелке с недоеденной котлетой.

– Если хотите, я могу зайти попозже, – сказала она. – Я остановилась в гостинице неподалёку, и мне не составит труда вернуться в любое время. У вас очень красивый город, а люди очень милы.

– Ну да, – сказал Гиркас. – Ну да. Очень милы.

– Вы так не считаете?

Гиркас так не считал. Он, как и многие конгары, в душе не любил Новую Троию с её культом мужества, благородства,

героизма и ответственности всех за каждого. Не то, чтобы это были плохие принципы, но Гиркас, будучи Дун Сотелейненом, просто не мог быть постоянно верным чему-то одному. Честность у него должна была быть уравновешена плутовством, усердие – ленью, уверенность в себе – приступами паники; одним словом, в поступках он был так непостоянен, как может быть человек, живущий на стыке двух улиц – Пряничной и Воинов-Освободителей.

– Эээ... – промычал он в ответ. – Ну, может быть...

– Понятно, – улыбнулась незнакомка. – Давайте знакомиться. Как вас зовут?

Гиркас представился.

– Гиркас, – повторила незнакомка. – Это конгарское имя. Вы конгар?

– Нет, – поспешно ответил Гиркас и пододвинул ей стул, – Конечно, нет! Я – чистокровный землянин. А почему вы так подумали?

– Не знаю. Не часто встретишь землянина с конгарским именем.

– Это каприз моей матушки, – сказал Гиркас. – Отчего-то ей вздумалось назвать меня именно так. Не желаете ли чаю?

– Чаю? Нет, спасибо. Мне хотелось бы знать, когда придёт Дун Сотелейнен. Мне нужно поговорить с ним по очень важному делу.

Тут Гиркас удивился, но виду не подал.

– Так ведь Дун Сотелейнен – это я! – сказал он с таким

видом, будто это очевидная вещь.

Пауза.

– Вы? – незнакомка чуть подняла бровь. – Должна признать, я несколько обескуражена: готовясь посетить Новую Трою, я несколько раз прочла раздел Большой Одиссеевой книги, посвящённый Дун Сотелейнену. Среди прочего там говорится, что эту должность должен занимать человек мудрый и многоопытный.

– Именно так, – Гиркас подбоченился. – Рад соответствовать вашим ожиданиям.

Это была его любимая шутка. Обычно сразу после неё любой собеседник считал нужным заметить некоторое несоответствие слов и действительности. Как и всё остальное, Гиркаса это беспокоило мало.

– Ну, хорошо, – сказала незнакомка, и, помедлив, протянула Гиркасу руку. По выражению её лица он понял, что это решение далось ей ценой серьёзной внутренней борьбы. Мысленно он представил себе этот процесс, как щелчок некоего внутреннего переключателя из положения «нормальный человек» в положение «Гиркас». – В таком случае, я и есть та самая Седьмая. Приятно с вами познакомиться.

Гиркас осторожно пожал руку, отметив про себя, что кожа у неё нежная и необычайно гладкая, и сказал:

– Простите?

– Седьмая, – повторила незнакомка. – Это моё имя. Оно может показаться вам странным, но таковы традиции канто-

на Арк: все перфекты носят номера от одного до девяти. Я вышла из ёмкости под номером семь, и оттого зовусь Седьмой.

– Вышли из ёмкости? – совсем растерялся Гиркас. – Что вы имеете в виду?

– Разве вы не получали моего письма? – незнакомка слегка подняла бровь. – Две недели назад я отправила вам письмо, в котором объясняла свою ситуацию и просила о помощи.

– Ах, письмо! – Гиркас замялся, – Боюсь, оно затерялось в пути. Мне очень жаль.

В этот миг ему было ужасно стыдно. Все письма, не содержащие в себе денег, он выбрасывал в мусорную корзину, не читая.

– Ничего страшного, – мягко улыбнулась Седьмая, – не такая уж это долгая история, чтобы я не могла рассказать её ещё раз. Вы слышали когда-нибудь о кантоне Арк?

Гиркас призвал на помощь память.

– Он очень далеко, – сказал он, – власть там принадлежит женщинам...

– И это не самое страшное, что там творится, – засмеялась Седьмая. – Я тоже люблю эту шутку. В действительности всё обстоит не совсем так. Наш кантон – один из первых на Тразиллане, и такой же древний, как Новая Троя или Ханаан. Но если первый стоит на позициях силы, а второй не интересуется ничем, кроме того, что родит земля, мы придерживаем-

ся мнения, что целью жизни является красота и гармония. Да-да, мы совершенно серьёзно, – она снова улыбнулась. – Не удивляйтесь, мы часто подтруниваем над собой, чтобы не казаться слишком напыщенными. Так нас учила наша основательница. Вы слышали о ней что-нибудь?

– Нет, – признался Гиркас.

– О, леди Лигейя была чудесная женщина: умная, храбрая, наделённая сильной волей! Покидая Землю, она мечтала, что другой мир станет родиной для нового человека – мудрого и устремлённого к добру. Так и родился наш кантон, названный в честь другой женщины, не менее отважной. Но была у нашей основательницы и другая мечта, которой не суждено было сбыться.

– Какая? – спросил Гиркас.

– Я вам подскажу, – сказала Седьмая. – Но сначала ответьте на вопрос, только честно. По-вашему – я красива?

Гиркас сглотнул.

– Конечно. То есть, я не хотел бы, чтобы вы думали...

– Спасибо, – Седьмая снова улыбнулась, на этот раз обезоруживающе. – Каждый комплимент, помимо того, что он приятен лично мне – это ещё и похвала тем, кто создал меня.

– Создал вас? – удивился Гиркас, – То есть как?

– Ну, создал – не совсем верное слово. Вырастил, так будет точнее. Я, как и мои сёстры, остальные Девять, выращена искусственно, путём клонирования и генной инженерии. Видите ли, наша основательница могла вести за собой, от-

крывать новое, но... она не была красива. Эту её невысказанную мечту исполняем мы, перфекты. Я вижу, вам знакомо это слово?

– Да, – ответил Гиркас, – припоминаю что-то. Кажется, одна из вас заседает в Консультативном Совете, во всяком случае, я читал что-то подобное в «Голосе Новой Трои».

– Это Третья, – кивнула перфекта. – её в своё время передержали в родильном чане, а это отрицательно сказывается на характере. Наверное, поэтому она так хорошо разбирается в политике. Подобно мне, она была клонирована из нескольких клеток крови нашей основательницы. Это дань уважения и одновременно воплощение её замысла. Наша внешняя красота – это отражение той красоты, которую она всю свою жизнь хранила внутри.

– Перфекта – значит, совершенная, – продолжила Седьмая. – Совершенство, как умственное, так и телесное – вот что представляем собой я и мои сёстры. Такими мечтала видеть людей основательница нашего кантона. Вы, конечно, возразите (при этих словах Гиркас поспешно закивал головой), что попытка достичь совершенства путём вмешательства в генетический код ошибочна изначально – и будете правы. Но повсеместное механическое улучшение человеческой природы отнюдь не является главным методом Арка. Мы не утопия, чтобы совершать такие наивные ошибки. Да и создать подобным способом можно лишь нечто приблизительное. Собственно, этим приблизительным и являемся мы,

перфекты.

Мы – это не сами люди будущего, а всего лишь маяк для всех остальных, своего рода модель, пример того, чем может со временем стать человек, если будет развиваться в правильном направлении. Людям нужны образцы, так ведь? А наилучшим, с нашей точки зрения, является такой образец, который, будучи достаточно совершенным, не вызывает у других людей зависти или ненависти. Мы совершенны настолько, насколько это сейчас возможно, но своим совершенством мы обязаны другим, совсем несовершенным людям. Наша красота – это результат труда биоинженеров, а наш интеллект насыщен пищей, подготовленной для нас поколениями мыслителей.

Вы смущены, не правда ли? Перед вами красивая женщина, чья красота и ум ей не принадлежат и не являются ни её заслугой, ни её достоянием. Кому-то это может показаться жестоким по отношению к нам. Для постороннего человека, возможно, так и выглядит. Но мы, перфекты, не считаем, что с нами обходятся жестоко. На своём примере мы учим других видеть своё истинное место в мире и преодолевать тем самым глубинный страх перед загадками жизни. Кто-то ведёт за собой, ослепляя блеском и обещая богатство и силу – мы предпочитаем быть безоружными. Зная, что всеми качествами мы обязаны своим создателям, мы лишены даже морального права принуждать кого-то следовать за нами. Идти за нами по дороге к совершенству или нет – человек дол-

жен решать добровольно, не подгоняемый ни током крови, ни урчанием желудка.

– Всё-таки я ужасная зануда, – улыбнулась Седьмая. – Но про Арк и вправду можно рассказывать часами. Знаете, у нас принято быть сдержанными в выражении чувств, но я, не стесняясь, могу сказать, что очень люблю свой кантон. Это никак не связано с моим искусственным происхождением (вижу, вы готовы счесть меня чем-то вроде робота) – как бы нас ни выращивали, чувства мы испытываем такие же, как и у всех, и предметы симпатий избираем сами. Вот, например, Третья – она, хотите верьте, хотите нет, всегда недолюбливала Арк. По её мнению, нам не хватает жёсткости и амбиций. Как она назвала однажды наш кантон? Ах, да – «четвёртый сон Веры Павловны». Мы тогда чуть не поссорились... То же самое касается и бытовых пристрастий. К примеру, Пятая превосходно играет на фортепьяно, а я вот совершенно равнодушна к музыке, предпочитаю хорошей симфонии хорошего человека. Шестая – лучший садовник нашего кантона, а Восьмая... Ну, вот мы и подошли к цели моего визита.

Перфекта вздохнула, и на лицо её, спокойное и прекрасное, легла тень.

– Как я уже сказала, всего перфект девять, и вместе мы представляем для Арка определённый духовный авторитет. Подобно обычным людям, мы стареем, и со временем состав нашей девятки обновляется. Приходят новые перфекты, перед которыми стоят иные задачи, отличные от тех, что бы-

ли у предшественниц, и соответственно этим задачам меняется их генетический код и будущее воспитание. К примеру, я, пришедшая на смену прежней Седьмой, холодной и замкнутой женщине-учёному, была создана полной её противоположностью – учителем, способным щедро делиться знаниями, вдумчивым и терпеливым.

Не так давно, два года тому назад, у нас произошло одно событие. Скончалась Восьмая, старейшая из нас. Нейтралитет, которого последние несколько десятилетий придерживался во внешней политике Арка, во многом её заслуга. Но мир меняется, и мы должны меняться вместе с ним. После смерти Восьмой мои сёстры выступили за активное участие в жизни остальных кантонов, и нашей задачей стало создать на смену умершей такую перфекту, которая полностью соответствовала бы новому принципу. Это должна была быть девушка чрезвычайно восприимчивая, обладающая неистребимой жадностью познания, и вместе с тем глубоко человеческая. Жизнелюбие и самые светлые идеалы, что когда-либо рождает человеческий разум – вот какой перфекте суждено было стать лицом Арка в глазах окружающего мира. Квинтэссенция нашего духа, посланец и одновременно послание!

– О! – только и сказал Гиркас, Седьмая же продолжила:

– Я помню день, когда впервые её увидела. Обычно перфекты не интересуются техническими подробностями, нас куда больше волнует «для чего», нежели «как», но тогда я не смогла сдержать любопытство. Наверное, это чисто женское

– какой кумушке не интересно, кто сядет с ней на один на-
сест, – и вот, договорившись с главным биотехником, я спу-
стилась в зал под Великой Библиотекой, где находятся ро-
дильные баки.

В первое мгновение мне показалось, что она парит в воз-
духе – настолько чистой и прозрачной была жидкость в её
«колыбели», огромной стеклянной ёмкости, от которой тя-
нулись во все стороны разноцветные трубки.

Глаза её были открыты. Она увидела меня и улыбнулась.
Я протянула руку, она сделала то же самое. С того момента,
как наши руки соприкоснулись, я знала, что буду просить у
сестёр права учить её, и день, когда это право было мне да-
ровано, стал для меня счастливейшим за всю мою недолгую
жизнь.

Восьмая всегда была особенной, – в голосе перфекты про-
звучала гордость. – Уже в два года она целиком прочла Боль-
шую Одиссею книгу (это собрание глупостей популярно,
увы, и у нас) и с тех пор буквально заболела миром за пре-
делами кантона. Расспрашивала всех проезжающих, стара-
лась заполучить любую газету извне, живо реагировала на
всё, что происходит в мире, иногда даже чересчур живо.

Многое её беспокоило, что-то пугало, но я, к своему ве-
ликому стыду, не заботилась о том, чтобы как-то оградить её
от опасностей – слишком сильна была моя вера в принципы
Арка, слишком хорошо меня учили, что важны только гар-
мония, внутреннее спокойствие и красота, и что, усвоив это

знание, можно совладать с чем угодно.

А она была другая: думала иначе, воспринимала всё глубже. То, что для меня было отдалённым шумом, её ранило. Вы меня понимаете? Как бы я ни любила Арк, должна сказать, что почти все события вашей истории – да-да, ваша история, не наша! – мы воспринимали достаточно равнодушно. Мировая война? Пф, и с чего это им вздумалось? Революция в кантоне Гранд? Бессмысленное занятие. Даже когда мы вмешивались в конфликт на стороне тех, кого считали правыми, мы не могли отделаться от ощущения... дайте минутку, подобрать слово... отстранённости, да. Мы делали то, что должны, но всегда держали дистанцию.

Не то, чтобы мы боялись запачкаться, нет, высокомерия в наших поступках не было, но какая-то толика чуждости по отношению к людям засела в нас крепко. Больше всего мы сторонились насилия. Даже теперь первое, что мы внушаем детям ещё в колыбели – это знание того, что мир за пределами Арка полон насилия, но их оно никогда не коснётся (а если и коснётся, то не изменит их сущности!).

Вот что создаёт барьер между гражданином Арка и любым другим тразилланцем – не замкнутость, не наша напускная таинственность, а молчаливое неприятие ключевой составляющей человека.

Восьмая же, согласно специально составленной программе воспитания, этого знания была лишена – ещё бы, ведь миссия, возложенная на её плечи, предусматривала такую

гибкость мышления, которой ни я, ни мои сёстры достичь не в состоянии. По сути, она должна была стать обычной трозилланкой из плоти и крови, оставаясь истинной дочерью Арка. Безупречный план – неудивительно, что он провалился с треском.

Странно, как мы сразу не увидели того, что обьязано было произойти. Представьте себе: Восьмая была воспитана среди умных доброжелательных людей, впитала в себя всё лучшее, что они могли дать, и одновременно сохранила непосредственность и свежесть восприятия. её готовили стать мостом между двумя разными мирами, она должна была принести вовне нашу мудрость и наше философское спокойствие – блистательное, великолепное спокойствие людей, познавших окончательный смысл человеческого существования!

Но вот, укоренившись ногами в родной почве, она протянула руки к миру за пределами Арка – и что увидела там? Боль, горечь, ненависть, поток страданий равномерный и бесконечный. Со всем, что мы вложили ей в голову, что ей оставалось делать? Отступить значило для неё предать дважды: сначала свой кантон, а затем и внешний мир, к которому она успела прикипеть сердцем.

Что же оставалось ей, кроме как броситься в жестокий, заранее проигранный бой против всей лжи и несправедливости, что есть в мире – ей, исполненной самых лучших побуждений?

Всё это я осознала задним числом, когда было уже поздно,

а тогда, признаюсь, мне было непонятно, почему она, узнавая всё больше о Тразиллане, становится печальнее и печальнее. Если бы я спросила её тогда: в чём дело! Но я не спросила. Почему? Причина в одном из важнейших принципов Арка: никогда не вмешиваться в дела другого человека. Будь он проклят, этот принцип!

Последние слова дались перфекте нелегко: она некоторое время молчала, словно восстанавливая силы. Молчал и Гиркас, но не потому, что история его ошеломила (она, надо сказать, не произвела на него никакого впечатления), а из-за того, что грудь взволнованной перфекты вздымалась и опадала так сладостно, что замирало сердце. «Вот бы её потрогать, пощупать, потискать, – думал он, – а там будь что будет!»

– И вот, – продолжила перфекта, – Восьмая становилась с каждым днём всё мрачнее. Уже не радовалась она, как раньше, каждому новому уроку, не просила новых книг, да и старые бросила недочитанными, больше молчала, а иногда и плакала. Сёстры мои, с Первой по Девятую, пробовали её подбодрить – кто пением, кто вязанием, кто работой по саду, но без толку.

Наконец, мы, восемь Мудрых, восемь Великих перфект, сошлись на том, что виной её подавленному состоянию – слишком напряжённые занятия. «Бедная девочка перетрудилась, – сказала я. – Дайте ей немного отдохнуть. Пусть она купается, загорает и медитирует в своё удовольствие. Великая миссия может и подождать».

Удивительно, но первой меня поддержала самая холодная и чёрствая сестра, Третья. В тот месяц её опять исключили из Консультативного Совета, на сей раз за срыв голосования по вопросу о золотых пуговицах.

С её помощью мне удалось добиться для своей подопечной месячного отдыха. Целый месяц Восьмая была представлена сама себе – для перфекты состояние почти невозможное, поскольку мы, как правило, работаем день и ночь, ни на секунду не забывая о своём долге перед кантоном.

Целый месяц я наблюдала за ней издали: вот она в плавательном бассейне, вот в библиотеке, в гимнастическом зале – и мне казалось, что тяжкий груз с каждым днём беспокоит её всё меньше и меньше. Никто не рассказывал ей о тех ужасах, что творились за пределами кантона, она не получала газет и не слушала радио. Щёки её порозовели, в глазах появился прежний озорной огонёк – передо мной снова была та Восьмая, которую я поклялась научить всему, что знаю. Без сомнения, думала я, это был кризис, вызванный переизбытком информации, синдром «первого ученика». Отдохнув и окрепнув, она должна с новыми силами устремиться к идеалам Арка – гармонии, красоте и внутреннему спокойствию.

А ровно две недели назад, – голос перфекты дрогнул, – я нашла в её комнате газету со статьёй о Торакайской бойне. Вы знаете, что такое Торакайская бойня?

– Конечно, – кивнул Гиркас, не отрывая взгляда от её груди. – Самый масштабный конфликт за всю историю Тразил-

лана. Когда я был школьником, об этом много писали в газетах. Сейчас всё затихло. То ли битва кончилась, то ли ещё что...

– Битва продолжается, – покачала головой перфекта. – И вещи, которые там творятся, заставляют думать, что она продлится долго. В отличие от вас я узнала об этом конфликте совсем недавно, можно усмехнуться моему невежеству. Так вот, когда я нашла эту газету, то поняла, что ничего не изменилось. Она так и не оправилась, просто боль, которую вызывали у неё новости из внешнего мира, спряталась глубже. Я хотела посоветоваться с сёстрами, но было поздно. Когда я обнаружила газету, Восьмая уже оставила Арк. Я не знаю, как ей это удалось; все, что у меня есть – её прощальная записка. Посмотрите. Вы – Дун Сотелейнен, может быть, вам будет интересно.

Гиркас взял протянутый перфектой листок бумаги и прочёл на нём следующее:

Учитель!

Если вы читаете это письмо, значит, я покинула Арк и сейчас на полпути к Торакайскому заливу. Не вините меня за поспешное решение: если бы я продумала над ним ещё день, то не стала бы ничего делать. Мне не хватило бы сил: теперь я не боюсь признаться, что величайшая надежда Арка, как вы меня называли – трусиха, обычная трусиха.

Не знаю, с чего начать, так много надо сказать, и так мало времени. Собственно, его у меня не было

никогда. Как только я покинула родильный бак, я сразу начала учиться, и...

Нет, не так. Сейчас я кажусь себе чудовищно, преступно неблагодарной. Я просто обязана, учитель, сказать вам: вы учили меня видеть окружающий мир, и учили хорошо. Не ваша вина, что мир не настолько замечателен, как бы вам хотелось. Вот здесь-то и виновато время: будь его побольше, я бы сумела примириться с недостатками Тразиллана, я бы смогла понять, зачем, для чего нужны боль, смерть, унижение и страх, а ведь они для чего-то нужны, раз никто от этих демонов не свободен. Но у меня нет времени, а сердце, которое во исполнение грядущих великих задач сделали чутким, заставили болеть, требует отчёта. Потому не пытайтесь понять мои мотивы разумом, если не хотите разочароваться в самой преданной ученице. Не надо: вам ещё предстоит учить других.

Узнавая окружающий мир, одни вещи я любила, других боялась и стыдилась. Это было частью моего воспитания: я должна была закалиться, нарастить защитный слой, скорлупу, хранящую нежную мякоть. Одни удары были точно рассчитаны – минимум вреда, максимум знания, другие подвергали сомнению мою прочность, но я держалась.

Я думаю, душа каждого человека – это рисунок ирамов. Мы – я, вы – плохие художники в сравнении с жизнью. Картина, начертанная во мне, неточна, пусть и мучает не меньше подлинных полотен. Я еду на Торакайскую Бойню сражаться с призраком,

рождённым, возможно, лишь моим разгорячённым воображением. Что ж, пусть так.

Но почему Торакайская бойня? Это хороший вопрос. Читая о нашей истории – все эти войны, споры, месть, пролитая кровь – везде я замечала одно и то же. Человек хочет иметь, и не имеет. Что именно? Банальные вещи: дом, семью, друзей, уверенность в завтрашнем дне, дело, которому можно посвятить жизнь. Вот он, двигатель мира, могучий и неостановимый – гигантское солнце, которому можно лгать, но обмануть которое нельзя.

Или можно?

В газетах, книгах, и не только, я встречала людей, обещавших соплеменникам счастье – стоит встать под правильные знамёна: политической партии, клуба, фирмы.

«Неужели вы не хотите, чтобы вашим жёнам, мужьям, детям и внукам жилось лучше, чем сейчас, чтобы их мечты воплотились в жизнь? – говорили эти люди. – Разве вы враги самим себе? Разве вы враги жизни, счастью, радости?».

Есть маленькие гнусности, и есть гнусности большие. Маленькая гнусность – это лгать человеку, что его осчастливит банка консервов или новый автомобиль. Большая состоит в том, что огромным массам людей – обычных людей с обычными, человеческими желаниями – внушают, что исполнение их желаний требует истребления других людей, требует крови, боли и смерти, причём неукоснительно,

а иначе – не видать счастья, не видать любви. Скажите, учитель, разве это не самое гнусное дело на свете: вытирать ноги о глубинные, самые нежные, самые незащитные человеческие инстинкты, давить на ту слабую струнку, заглушить которую человек самостоятельно не способен, а если и способен, то достигается это путём душевной ампутации? Разве это не отвратительно? Разве не нужно с этим бороться? Вот и ответ на вопрос: почему именно Торакайская Бойня.

То, что происходит там, происходит ежечасно, ежеминутно, ежесекундно – недопустимо, и должно быть остановлено. Вы знаете, о чём я говорю: именно мы подкармливаем тот страшный огонь, что горит уже пятьдесят лет. Мы.

Не наша вина, что конгары есть те, кто они есть, но кто мешал нам оставить их в покое? Разве они виноваты в том, что желают лучшей жизни? Кто бы не желал этого? Вдоволь изголодавшись, поесть по-человечески; носив всю жизнь грубую одежду – надеть в кои-то веки добротный скроенный костюм; будучи существом второго сорта – стать, наконец, равным нам, землянам. От этого не откажется ни один конгар, за это он готов рвать зубами горло своему ближнему – и рвёт, с нашего позволения. Его можно понять: разве не достоин любой, даже самый захудалый конгар, всего самого лучшего в этом лучшем из миров?

Один журналист сравнил Торакайскую бойню с

грызней собачьей своры: дескать, бросил солидный упитанный господин (кантоны) кость – хорошую кость, с мозгом и порядочным шматком мяса – собакам (конгарам), а те и начали возню. Замечательное развлечение! Отчасти он прав, но в реальности дело обстоит куда гнуснее: ведь тот господин, бросая кость, не собирался делать это своей привычкой, и уж тем более не думал открывать мясную лавку с тем, чтобы собаки, глодающие кости неподалёку, делали ему рекламу. Но именно так и поступают кантоны, которые в огонь Торакайской Бойни подбрасывают всё новые и новые поленья! Ради прибыли они готовы давить на все болевые точки: страх перед смертью, перед неопределённостью, желание быть здоровым, счастливым, желание наслаждаться, страх перед одиночеством. Как только верхняя оболочка зачерствела, они сдирают её, и веселье начинается опять. На сколько ещё хватит конгаров? Я не знаю. Меня пугает другое – и мне стыдно признаться в этом, ведь по своему масштабу предмет моего страха и близко не может сравниться с Торакайской Бойней. Я боюсь за Арк.

Сегодня, когда даже боль и страдания превращаются в капитал, нам, с нашей гуманностью, красотой и прочими замечательными добродетелями следует остерегаться вдвойне – именно за добродетель примутся, когда иссякнут пороки, а не принялись только потому, что она скучна и хорошо выглядит лишь на телеэкране. Мы как дети: сперва съедаем

сладкое, а шпинат едим только тогда, когда ничего другого нет. И всё же дойдёт очередь и до шпината. Сначала его объявят чудодейственным средством – он и перхоть вылечивает, и слепоту – затем расфасуют на порции, и подадут, как последний писк, и всё это под их обычным соусом: вы хотите быть счастливыми, чтобы вас любили, принимали как своего, хотите иметь свой дом, драться за общее дело, плечом к плечу, желаете соответствовать идеалам – тогда покупайте наш продукт. «Только сегодня – Арк со скидкой! Гармония никогда не была так близко!». И вот я спрашиваю вас, учитель: когда на нас устремятся взоры, сколько продержится Арк? Сколько он продержится, когда все, во что мы верим (вы – целиком и полностью, я с этого момента – лишь отчасти), будет поставлено на службу гнуснейшей из гнусностей?

Этого я не могу допустить. Хотя нас, перфект, часто обвиняют в том, что любовь к Арку в нас запрограммирована, я не боюсь сказать, что люблю Арк – люблю по-настоящему, так, как можно любить лишь то, что вот-вот потеряешь. Поэтому я его покидаю не только с грустью, но и с надеждой увидеть вновь – спокойным и безмятежным. Где-то далеко, в гулце Торакайской бойни, меня ждёт человек, подобный мне – тот, кого мы знаем под именем Дун Сотелейнен («подобный мне» значит разрывающийся между двумя мирами, – и для него, как и для меня, это не проклятие, а лишь особенность жизни). С ним

я предприму попытку остановить Торакайскую бойню – ради тех, кто сражается в ней и ради нас самих.

Прощайте, учитель, и знайте: где бы я ни была, вы всегда останетесь со мной.

VIII

– Не очень-то умно с её стороны, – начал было Гиркас, но осёкся. На какой-то миг ему показалось, что этими неосторожными словами он насквозь пробил броню олимпийского спокойствия перфекты, и в этой рваной ране мелькнуло её подлинное лицо, в котором не было ни спокойствия, ни уверенности – только мука, отчаяние и неизбывный страх.

Так иногда бывает: в минуту страдания или неудержимой радости с людей облетает всякая шелуха, и под слоем наносной дряни обнаруживается брат, твой и мой. Если на пороге Гиркас столкнулся с таинственной незнакомкой, полной достоинства, то теперь перед ним сидела обычная женщина, испуганная за близкого человека.

– Да, – тихо сказала Седьмая. – Это было не очень-то умно с её стороны. Это лучший поступок, который когда-либо видел Арк, но это действительно было не очень-то умно с её стороны.

– Простите, я не хотел, – сказал Гиркас и с досады прикусил язык.

– Ничего. Кто-то должен был это сказать, и лучше вы, чем сёстры. Я так и слышу их: «Это вопиющее нарушение Кодекса Арка!», «Наблюдать, но не вмешиваться!», «Мы не можем

запретить остальным кантонам уничтожать друг друга, наше дело – переждать невзгоды и сохранить ростки гуманизма и нравственности на этой Богом забытой планете!». Как будто, если быть честным до конца, проблема Торакайской бойни не касается всех и каждого!

– Ну... – задумался Гиркас.

– Вы так не считаете? – спросила перфекта, вновь скрываясь под маской безмятежного спокойствия. – Что ж, это я могу понять. В Большой Одиссеевой книге сказано, что Дун Сотелейнены зачастую личности эксцентричные, и не склонные принимать близко к сердцу проблемы общества. Сейчас я постараюсь объяснить вам, что к чему.

Если вкратце, ситуация такова. Испокон веков конгарские племена враждуют между собою. Причин для вражды много: и нехватка еды, и личные разногласия вождей, и природная кровожадность конгаров, и множество других...

– Это правда, – перебил Гиркас перфекту. – Взять того же Конкаса – дня не было, когда бы он не приходил домой в синяках. За хлебом отправишь – и то найдёт с кем подраться!

– Важно другое, – дождавшись, пока Гиркас закончит, продолжила Седьмая, – то, что с первого дня пребывания на Тразиллане земляне научились оборачивать конгарские междоусобицы себе на пользу.

– Как это?

– Очень просто. Вспомните Мировую войну: кто сражался по обе стороны баррикад? Конгары. Кто понёс самые тяжё-

лые потери? Конгары. Кто по итогам войны получил меньше всего? Конгары. Почему же они, спросите вы, соглашались помогать землянам? А почему к человеку льнёт приبلудный пёс? Потому что надеется на хорошую кость. Видите, я уже пользуюсь примером Восьмой.

Как бы мы ни презирали конгаров, они тоже живые существа, у них есть свои надежды и страхи. И с самого первого дня хомо сапиенс, человек разумный, играл на них. Пообещаешь дать немного еды – и конгар готов служить. Обещаешь больше – и он согласится убить собственного брата. Посулишь золотые горы – и нет такой гнусности, которую он не совершил бы. Что и говорить, натура их слаба, и чем она слабее, тем сильнее для землянина соблазн воспользоваться этой слабостью себе во благо. Двести пятьдесят лет тразиланской истории мы эксплуатировали конгаров, а последние пятьдесят лет эксплуатация приобрела чудовищные размеры. Я, разумеется, говорю о Торакайской бойне.

– Я понял, – сказал Гиркас, которого эта беседа, несмотря на красоту перфекты, начала утомлять.

Однако перфекта продолжала:

– Как известно каждому, война – явление зрелищное, и не лишённое определённой эстетики. Глупо отрицать красоту военной формы, ещё глупее не признавать того поистине магического воздействия, которое оказывают выстроившиеся в каре батальоны. Нет ничего красивее рукопашного боя, пусть и нет ничего страшнее. И всё же на Земле мы сравни-

тельно редко задумывались о том, чтобы сочетать с приятным полезное, извлекать из преклонения перед войной выгоду. Говоря «сравнительно редко», я не имею в виду отдельных личностей, сделавших состояния на торговле оружием – это пусть останется на их совести. Я говорю о государствах и политиках, что ими управляют: на Земле у них считалось хорошим тоном, по крайней мере, говорить о мире. Здесь, на Тразиллане, они отбросили и эти условности.

Не знаю, как сказать лучше, но Торакайская бойня сегодня – огромная биржа, активы которой – конгарские жизни. Чем сильнее разгорается война между конгарскими племенами, тем больше денег зарабатывают фирмы, которые поставляют конгарам оружие, пищу и одежду. Мало того, сам факт войны обеспечивает повышенное внимание мирного населения к торговым маркам, которыми пользуются конгары. Таким образом, война становится ещё и хорошей рекламой, она как бы двигает торговлю, и при виде огромных денег мало кого волнует, что в основе богатства лежат человеческие жизни. Думаю, именно это и возмутило Восьмую...

– Всё это старо, как мир, – не выдержал Гиркас. – Война – это основа прогресса, и всё такое. Лично я проходил это в школе. И потом: рассуждения о жестокости войны – это прекрасно, и Восьмую мне по-своему жаль, однако я до сих пор не понял, зачем вам я. Не поймите неправильно, вы мне нравитесь, я смотрел бы на вас целую вечность, но я очень устал, а понять до сих пор ничего не понял. Какое я имею

отношение к Торакайской бойне и к вашей пропавшей сестре? Чем я могу вам помочь, как Дун Сотелейнен?

Перфекта молча смерила его взглядом, и Гиркас вдруг понял, насколько холодной и жёсткой она может быть, если захочет. Дружелюбное её лицо сменилось каменной маской, а глаза, глубокие и тёплые, словно заледенели.

К счастью, длилось это лишь мгновение.

– Если в двух словах, – заговорила Седьмая необычайно мягко, – мне требуется от вас вот что. Как Дун Сотелейнен, вы пользуетесь у конгаров определённым уважением...

– Ну, это как сказать, – буркнул Гиркас.

– Неважно, заслуживаете ли уважение вы лично. Значение имеет то, что должность, которую вы занимаете – почётная и гарантирующая определённую безопасность даже в военное время. В сущности, от вас требуется немного: сопровождать меня на Торакайскую бойню, где я рассчитываю найти пропавшую сестру. Справитесь с этим?

– А оплата? – спросил Гиркас.

Перфекта подняла брови.

– Оплата? – переспросила она. – Разве Дун Сотелейнен требует оплаты за свои услуги?

– Ну-у, – замялся Гиркас. – Я не это имел в виду... Понимаете ли...

Он мялся, переступал с ноги на ногу, руки его хватали воротничок рубашки, словно ему было нечем дышать, но самый страшный провал в его жизни просто не мог не произой-

ти. Самая страшная его тайна должна была вылезти наружу.
– Гиркас, – сказала перфекта спокойно, – скажите мне, каковы обязанности Дун Сотелейнена? Только, пожалуйста, не надо врать.

Сперва Гиркас сказал «уф».

Потом он сказал «ох».

Наконец, он покраснел и уставился в пол.

– Вы не знаете, – констатировала перфекта. – Что ж, этого следовало ожидать. Почему-то я поняла это сразу, как только вас увидела. Гиркас, неужели вам не стыдно?

Гиркас молчал. Стыдно ему не было, но хотелось, чтобы перфекта побыстрее ушла и оставила его в покое. «Думай о шкафе, – велел он себе. – Шкаф, тёплый, удобный шкаф. Сейчас она уйдёт, и я допью портвейн и съем бутерброд с копчёной рыбой».

Бутерброд ждал его в шкафу, но и перфекта ждала тоже, и она оказалась упорнее.

– Нет, – сказал он. – Мне не стыдно. Я перепробовал чёртову кучу работ и ни на одной не задерживался дольше полугода. Что мне – застрелиться, если я ни на что не гожусь?

Он подождал, не ответит ли перфекта, но та молчала и глядела на него спокойными карими глазами, не осуждая, но и не поощряя рассказывать. Просто ждала.

– Знаете, – сказал он, набравшись смелости, – может быть, я и не знаю, что должен делать Дун Сотелейнен, но это первая работа, на которой я делал хоть что-нибудь! Ко мне при-

ходили конгары, я выслушивал их, шёл и что-то говорил. Не знаю, слушали они меня или нет, но это было что-то!

Говоря это, Гиркас почувствовал, что в глубине его разгорается давно забытое чувство: праведный гнев. Давно он не злился ни на кого всерьёз – с тех пор, как рабочие котельной застукали его за просмотром порножурнала. Кажется, над ним месяц потешались из-за того, что он, вроде бы нормальный парень (пусть и конгар), до сих пор ни разу не был с женщиной.

Да, Гиркас почувствовал себя злым, очень злым. Глаза его сузились, рот перекосялся, и он, сделав паузу, заговорил тяжёлым сдавленным голосом.

– На чем я остановился? Ах, да, на работе. Работал я спокойненько, горя не знал, и тут приходите вы – красивая, с вечными ценностями и рассказом, трогающим до глубины сердца – и попрекаете тем, что я, дескать, не знаю, в чём заключаются мои обязанности! Мало того, вы ждёте, чтобы я по первому требованию бросился за вами и таскал для вас каштаны из огня! Да как бы не так! Где это написано, что я обязан вам помочь? Где? Ах, да, это следует из ваших нравственных принципов! «Помогай другому, и тебе помогут!», да? Ну, так вот: мне никто никогда не помогал! Да-да, никто! Даже эта работа – подачка! И с чего это, спрашивается, я должен помогать вам? По какой такой причине? А? А?

Это, конечно, была ложь. Дядя, устроивший его на должность Дун Сотелейнена, любил его, пусть и по-своему, да я

и во время оно подыскал Гиркасу по дружбе пару мест. Но такой уж был он человек, что не мог жить без мелодрамы, и, натешившись вдоволь своим гневом, частенько переходил от негодования к восхвалению собственной особы, как делают все конгары.

Случилось так и на этот раз. Выпалив тираду, Гиркас отдышался, вытер со лба выступивший пот и заговорил спокойнее:

– А самое страшное, что вы, милая, совершенно не знаете конгаров! Вам кажется, будто стоит хорошенько попросить, и они помогут вам отыскать эту самую Восьмую, да ещё и преподнесут вам её на блюдечке! Трижды ха! Хороший я Дун Сотелейнен или плохой, но конгаров знаю лучше вас! Во-первых, твари это зловердные и подлые, а если взять того же Конкаса, моего слугу, то ещё и вонючие!

– А во-вторых? – улыбнулась перфекта. Её, женщину мудрую и опытную, не мог не забавлять этот человек, который, повинувшись непонятным импульсам, кидался из крайности в крайность.

– Во-вторых, все они, как один, мерзавцы, и способны на любое коварство!

– То есть без вас мне никак не обойтись?

– Конечно! – выпалил Гиркас и замер в ожидании ответа. Вид у него в этот момент был преглупый.

– Значит, договорились, – сказала Седьмая. – Теперь слушайте мой план. Отъезжаем мы завтра...

– Завтра? – переспросил Гиркас, – Нет, завтра я не могу. Я должен... У меня много дел!

– Завтра, – повторила перфекта. – Мы отъезжаем завтра.

– Ну, хорошо.

– В десять часов утра.

– Это слишком рано! Я не могу так!

– В Дипгородке мы должны быть к вечеру. Там нас встретит военный комиссар Торакайской бойни, которому я отправила письмо. Будем надеяться, – вздохнула перфекта, – что он окажется приличным человеком, не то, что...

И вновь Гиркас взвился на дыбы:

– Не то, что я? – чуть ли не закричал он. – Вы хотели сказать: не то, что я?!

– Да, – ответила Седьмая. – Я хотела сказать: не то, что вы. Раз мы с вами отправляемся в опасное путешествие, давайте будем друг с другом честны. Вы – совсем не тот человек, которого я хотела бы видеть на своей стороне. Вы неряшливы, истеричны, невежественны и грубы. Когда я увидела вас впервые, я подумала, что вы – конгар. Тем не менее, вы вполне можете сыграть свою роль. Ничего страшного, что вы не знаете, кто такой Дун Сотелейнен и что он должен делать. Большая Одиссеева книга говорит, что и сами конгары затрудняются сказать, кто это и какова его роль. Говорит она, правда, и о том, что любой, кто пытается выяснить у конгаров правду о Дун Сотелейнене, сам Дун Сотелейненом являться не может – поэтому держите язык за зубами, хорошо?

– Договорились, – мрачно сказал Гиркас. Запрет чесать языком пришёлся ему не по вкусу. Недаром он звался Гиркасом, что буквально в переводе с конгарского значит «большой рот». Треплю, если по-простому.

– Далее, – продолжила перфекта. – Во время путешествия я требую, чтобы вы:

А) не пили ничего крепче чая,

Б) как можно чаще мылись,

В) каждый день меняли нижнее бельё.

Всё остальное за вас сделает ваша должность. Вы поняли, Гиркас? Теперь об оплате. Больших денег я вам заплатить не смогу, предупреждаю сразу. Десять тысяч драхм вас устроит?

– Двадцать, – сказал Гиркас.

– Пять.

– Ну, хотя бы пятнадцать?

– Три. Помните, Дун Сотелейнен обязан работать бесплатно!

– Дайте мне хотя бы пять, вы же предлагали!

– Договорились, – перфекта вновь улыбнулась, на этот раз – устало. Глядя на её бесконечно красивое лицо, Гиркас вдруг отчетливо понял, какого напряжения стоил ей этот разговор. А ведь впереди её ждут конгары, ужасные, отвратительные, грубые конгары! И всё-таки, какая у неё грудь...

– Хорошо, – сказала перфекта, – я рада, что мы пришли к соглашению. Перед тем, как я уйду, могу я попросить вас о маленьком одолжении?

– Конечно, – встрепенулся Гиркас. – Что угодно!

– Дайте лист бумаги.

Гиркас обшарил все ящики стола, заглянул в шкаф и, наконец, не выдержав, крикнул:

– Конкас! Конкас, где ты, чёрт бы тебя побрал?

– Здесь, – раздался из прихожей голос Конкаса, сиплый после сна. – Чего тебе?

– Где бумага?

– Там!

Следуя этому сомнительному указанию, Гиркас пошарил на подоконнике и извлёк из-под горшка с геранью серую четвертушку бумаги.

– Я хочу написать вам записку, – сказала перфекта. – А то вдруг после моего ухода вы вновь спрячетесь в шкаф... Не подсматривайте, не надо. Вот, готово. А теперь – до встречи, жду вас на вокзале в десять утра. Постарайтесь не опоздать, пожалуйста.

Проводив перфекту, Гиркас некоторое время стоял в коридоре. Зеркало по-прежнему показывало не цивилизованного землянина в расцвете сил, а конгара, побитого жизнью.

– Ну-ка, посмотрим, – сказал Гиркас и развернул записку. Вот что там было написано:

Держу пари, что вы прочли это сразу после моего

ухода. Думаю также, что вы уже плюнули и на меня и на мою просьбу, а завтра решили весь день пробездельничать. Так? Ну, конечно, так! В таком случае, напоминаю: ЗАВТРА НА ВОКЗАЛЕ, В 10:00, И ПРОШУ НЕ ОПАЗДЫВАТЬ! Помните, у нас с вами уговор! Пять тысяч драхм на дороге не валяются!

Р. С. Не пинайте своего помощника, он и так достаточно натерпелся.

Р. Р. С. Не переживайте из-за того, что вы не настоящий Дун Сотелейнен. Может быть, это путешествие – ваш шанс стать Настоящим?

Желаю удачи, и не жуйте, ради Бога, чай – запах это нисколько не отбивает.

С уважением, Ваша VII.

ПОМНИТЕ: ЗАВТРА, В 10:00!

– Ах, ты, чёртова баба! – сказал Гиркас и прибавил ещё пару слов, к счастью для наших ушей – по-конгарски.

Глава вторая, она же третья и четвертая Сельди в бочке, или экскурс в историю

Сказано уже немало, и немало, должно быть, скопилось у вас вопросов. Что это за планета такая – Тразиллан, и как на ней очутились люди? Что за кантоны – Новая Троя, Арк, и другие? Кто такие конгары и этот Дун Сотелейнен?

Честно говоря, я рад бы не вдаваться в объяснения; мне и самому хочется рассказать эту историю как можно скорее, так, чтобы читатель не успел задремать со скуки. Но, увы, не могу: слишком много в ней имён и событий, которые, не освети я их должным образом, оставят вас в недоумении: что это? зачем? Так что интригу я вынужден принести в жертву ясности, и, прежде чем продолжить рассказ, обязан очертить время и место действия. Да поможет мне Бог, ибо сделать это непросто.

Передо мной Большая Одиссеева книга – единственная энциклопедия, содержащая полную историю Тразиллана, его прошлое, настоящее, и даже будущее. Состоит она из слухов, дошедших от третьих лиц, недобросовестных исторических исследований, мифов, сказок, сплетен, вырезок из бульвар-

ных газет и просто из побасёнок, какие можно услышать везде – в общественном транспорте или в приёмной у врача.

Более того, говорят, что человек, у которого хватило терпения собрать воедино эту кучу хлама, ни разу в жизни не выходил из дома, а единственным лицом, имевшим, согласно вердикту врача, право заходить к нему в комнату, была его бедная старая мама.

Так или иначе, но это единственный труд подобного масштаба, и все, что я знаю о Земле, которую покинули наши предки, и о старых добрых днях человечества – всё оттуда. Наверное, оно и к лучшему: более научные книги полны ненужной статистики, менее научные – всяческих ужасов, вроде пришельцев, преследующих полуобнажённых блондинок, а в Большой Одиссеевой книге всего этого понемногу, так что ни одно, ни другое не бросается в глаза.

Ну, так что же – начнём, пожалуй?

Человека, благодаря которому мы, люди, утратившие надежду на Земле, обрели второй шанс на Тразиллане, звали Джон Дж. Барсум. Родная наша планета к моменту его рождения (на дворе – мрачный 2155-й год) являла собой крохотный закопчённый шарик, на котором в ужасающей тесноте ютились двести миллиардов человек.

Сведения, которыми мы располагаем о Барсуме, скудны и ненадёжны. Мы ничего не знаем ни о кулинарных пристрастиях этого выдающегося человека, ни о его сексуальной ориентации. Зато – и это греет душу – нам известно, что

миллиардером, звездой экрана и любимцем публики его сделал обычный человеческий рот.

Большая Одиссеева книга категорична: если бы в ходе развития человек сумел сочетать телепатическое общение с питанием посредством фотосинтеза (что сделало бы ротовое отверстие ненужным), Барсум так и остался бы неудачником, которыми полна Великая Сеть. Эволюция, однако, решила иначе, и в 2174 году мир потряс анимационный ролик за авторством Барсума, озаглавленный «Шестьдесят девять способов применения рта». Количество полезных вещей, для которых в этом ролике оказался пригоден рот, втрое превысило достигнутый десятилетием ранее результат, зафиксированный в Книге рекордов Гиннеса.

Два года спустя рекорд был доведён до семидесяти трёх, после чего на дальнейших попытках увеличить это количество был поставлен жирный крест: они вели если не к смерти, то к тяжёлым увечьям. Что же касается ролика Барсума, его выкупила ведущая телекомпания мира, и в течение следующих пяти лет транслировала по всем каналам в высоком разрешении и с профессиональной озвучкой.

Семь лет спустя, в эпоху очередной потребительской вакханалии, Барсум, уже в качестве единоличного собственника основанной им «Глобал Индастриз» (девиз компании – «Если вы желаете попробовать на вкус Эверест, наше дело – сделать его съедобным»), выпустил в свет новый хит, известный как «атомная электростанция у вас во рту».

Действительно, всего за двести тридцать девять долларов любой желающий мог установить себе в качестве пломбы миниатюрный термоядерный реактор, мощности которого хватало на поддержание работы портативного радио, мобильного телефона или детской железной дороги. Единственным недостатком изобретения (помимо того, что чистить зубы приходилось по шестнадцать раз на дню) была необходимость постоянно держать рот открытым: закрыв рот, человек нередко перекусывал провод, связывающий реактор с подпитываемым устройством, а замена провода обходилась вдвое дороже самого реактора.

В юмористических журналах того времени не было недостатка в карикатурах, высмеивавших этот невинный, в сущности, недочёт. Самой популярной была картинка с нетерпеливым клерком, вынужденным молча терпеть разнос от начальника – оттого, что, заряжая ноутбук, клерк банально не мог закрыть рта. Автор скетча удостоился Пулитцеровской премии, а Джон Дж. заработал ещё один миллиард, десять процентов от которого вошли в фонд помощи пострадавшим от коллапса реактора. В архивах фонда на 2181 год значится сорок тысяч четыре человека, у которых недостаток гигиены полости рта, и, как следствие, засорение реактора, привели к образованию внутри зуба миниатюрной чёрной дыры диаметром около миллиметра.

Не меньший успех у потребителей снискал и другой продукт «Глобал Индастриз» – пророческая зубная паста, для

которой Барсум лично придумал слоганы «Вы увидите свои зубы чистыми раньше, чем их коснётся щётка» и «Будущее смотрит на вас из зеркала в ванной».

Благодаря содержащимся в пасте микроскопическим кристалликам пифиака, дельфиязина и хлорпрофетанола ежедневное умывание утром и вечером превращалось в визит к гадалке. Хотя количество этих веществ не позволяло заглянуть в отдалённое будущее – когда солнце погаснет, а галактики обледенеют, – их было достаточно, чтобы узнать, счастливым ли будет брак, заключённый на небесах, и не пойдёт ли дождь во время игры «Ковбоев» и «Янки».

После триумфального шествия пасты по миру (Большая Одиссея книга уточняет, что в Мзамби (Северная Африка) в её честь был установлен памятник из слоновой кости высотой четыреста локтей), она, однако, была снята с производства в связи с неожиданным побочным эффектом. Стоило пасте полежать на жаре час-другой, как вместо будущего люди, чистившие ей зубы, начинали предсказывать прошлое, и не только недавнее – вчера и позавчера (по крайней мере, это более-менее логично), но и такое, свидетелями которого они быть никак не могли, хотя бы потому, что ещё не появились на свет.

При этом они неожиданно для себя вспоминали то, о чём и знать-то на свете никому не полагалось: данные под грифом «совершенно секретно», тайные военные операции и бесчеловечные научные эксперименты, словом, всё то, что

правлящие верхи годами скрывали от любопытных глаз.

Да, в те дни не один политик с безупречной репутацией загремел в больницу с сердечным приступом: одно дело, когда редакции газет ломаются от сообщений о готовящемся покушении на Джона Кеннеди (даром, что на дворе стоит 2180-й год, и он давно покоится в могиле), и совсем другое, когда в прессу просачивается запоздалое пророчество о конце света 2027 года, который Мировому правительству тогда едва-едва удалось замаскировать под грандиозный рок-концерт.

К слову о Джоне Кеннеди. По данным, приводящимся в Большой Одиссеевой книге, на момент отлёта ковчега он по-прежнему занимал первое место в списке величайших президентов США. Занимает он это место и сейчас, хотя история Земли знавала таких ребят, как Эдвард Куорлз, оставивший усилием воли глобальное потепление, и Фредерик Джордж Кармайкл – тот самый холостяк, что вывел американский доллар в космос, где он встал наравне с такими непоколебимыми валютами, как тларклартанский дзенго и румилианский бумар.

Нам неизвестно, когда именно Барсум впервые задумался о создании собственного ковчега – той самой «Бочки», на борту которой наши предки прибыли на Тразиллан. Некоторые ключи к этой загадке содержит единственная сохранившаяся запись приёма у психотерапевта, которого Барсум посещал с 2181 по 2183 год.

Существованием этой записи мы обязаны тому, что спе-

циалист, работавший с Барсумом, был одновременно правительственным агентом; впрочем, это отнюдь не исключает того, что он искренне сочувствовал Джону Дж. и желал ему помочь. Увы и ах, но зачастую единственным человеком, перед которым можно выговориться как следует (то есть рассказать даже то, что не пожелают выслушать лучший друг, любовница и жена), является шпик, и то лишь потому, что такова его работа: записывать все, что вы скажете.

А Барсуму было что сказать. Не секрет, что великие люди в душе бывают одиноки, и Барсум не был исключением. Врождённая гениальность вкупе с рано свалившимся богатством провели невидимую черту между ним и остальным населением земного шара, и хотя во всех интервью «Геральд Трибьюн» Джон Дж. утверждал, что данное положение дел его вполне устраивает, в действительности всё было совсем не так.

Запись беседы Барсума с психотерапевтом осуществлял андроид модели «Бернард», в память которого были заложены девятьсот двадцать два издания Оксфордского словаря. Этим он выгодно отличался от двух других андроидов, принадлежащих д-ру Симмонсу – те записывали беседы, используя шумерскую клинопись и узелковое письмо, расшифровать которые затруднительно.

Но – к делу.

Б. Добрый день, доктор.

Д-р Симмонс. *Добрый день. Присаживайтесь, пожалуйста. Вы сделали то, о чём мы говорили в прошлый раз?*

Б. *Да. Я обратился в «Лучший друг за полчаса».*

Д-р Симмонс. *Хороший выбор. Эта крупнейшая в мире компания, занимающаяся подбором друзей. Я слышал, они нашли друга даже Чарльзу Холлистеру, а ведь он весит полторы тонны и не интересуется ничем, кроме своей коллекции конторских скрепок.*

Б. *Кто это – Чарльз Холлистер?*

Д-р Симмонс. *Мой пациент. Пришлось работать с ним под водой, потому что в невесомости выходило слишком дорого, а пол в моём кабинете не выдерживал его веса. Так что у вас получилось с «Лучшим другом»? Вы что-то не выглядите весёлым.*

Б. *Я выяснил, что эта компания принадлежит мне, доктор. Как и все компании на Земле, что занимаются поиском друзей. Я основал их, чтобы найти себе друга, а потом забыл о них, как о глупом сне. Всё равно они несколько мне не помогли.*

Д-р Симмонс. *Понимаю. Мне очень жаль. Надеюсь, с вами больше не произошло ничего неприятного?*

Б. *Если бы. Сегодня я узнал, сколько у меня денег.*

Д-р Симмонс. *И сколько же?*

Б. *Если не считать те четырнадцать центов, что я утром уронил в слив ванной, моё состояние равняется восьмистам двадцати шести миллиардам долларов в акциях и*

ценных бумагах.

Д-р Симмонс. Поздравляю (ободряюще). Если бы на месте Сахары не построили торговый центр, этих денег хватило бы на то, чтобы превратить её в цветущий сад. Вы должны гордиться тем, что заработали такую колоссальную сумму, не прибегая к пыткам, грабежам, похищениям, вымогательствам, заказным убийствам и шантажу, а именно такие способы рекомендует миллиардер Уолдо Барфинг в книге «Как я заработал свой первый доллар». Слышали о такой?

Б. Как-то не приходилось.

Д-р Симмонс. Согласно исследованиям Балтиморского института, чтение этого бестселлера снимает стресс почти на сорок три процента эффективнее, чем мастурбация. Погрешность объясняется тем, что все испытания проводились на шимпанзе. Но давайте займёмся вашей проблемой. Как вы ощущаете себя в настоящий момент?

Б. По правде говоря, скверно. Мне постоянно кажется, что я должен что-то сделать, но что – понятия не имею. Во всяком случае, мои старые проекты меня больше не удовлетворяют. Вчера я работал над новым изобретением – не могу раскрывать подробности, но это в буквальном смысле второе открытие человеческого языка, и вдруг, вы не поверите, мне показалось, что это просто глупость, несуразица, одним словом, дичь!

Д-р Симмонс. Я в таких случаях обычно принимаю ас-

пирин. Но в чём причина для беспокойства? Ваши товары плохо продаются?

Б. Напротив, продаются они как раз хорошо! Нашу последнюю новинку – гель, уменьшающий повреждения эмали при скрипении зубами – сметают с прилавков со скоростью света!

Д-р Симмонс. Тогда не вижу причин нервничать. На самом деле, глупостью ваша продукция станет тогда, когда на неё упадёт спрос, а от этого даже «Джоконда» не застрахована.

Б. Нет, доктор, я не об этом. Прибыль меня не сильно волнует. Понимаете, доктор, я вдруг осознал, что ни один из моих товаров не сделал мир лучше.

Д-р Симмонс (удивлённо). Простите, как вы сказали? Не сделал мир лучше? Я не ослышался?

Б. (взволнованно). Да, доктор, именно так. Что бы я ни изобретал – невидимые зубочистки, коронки, вибрацией предупреждающие о смене времён года, фиксаторы для улыбки (улыбайся хоть целый год, мышцы не устанут!) – всё это в глобальном смысле бесполезно. Войны не кончились, голод не смягчился, и страданий в жизни по-прежнему больше, чем радости.

Д-р Симмонс. А вы бы хотели, чтобы было наоборот?

Б. Конечно! Одно время я был уверен, что нашёл оптимальное решение проблемы всеобщего счастья. Это было моё лучшее творение: обтекаемая форма, автономный ис-

точник энергии, сто двадцать эксклюзивных насадок – и никакой радиации! Если даже это чудо-устройство окажется неспособно сделать людей счастливыми, сказал я себе, то что им вообще нужно?

Д-р Симмонс (пожимая плечами). Сложно сказать. Внимание, забота, тепло, доброта. Любовь, наконец.

Б. (не слушая). Да-да, безусловно. Но представьте себе: я провёл грандиозную рекламную кампанию, убедил совет директоров снизить цену до минимума, чтобы моё изобретение могли позволить себе люди с доходом ниже среднего, лично присутствовал на презентации, и что вы думаете?

Д-р Симмонс. Что?

Б. Да ничего! (возбуждённо) Нулевой результат! Ни капельки мир не изменился! Тут-то я и задумался: а то ли я делаю, что нужно? Почему, как ни крути, выходит, что самое лучшее из того, что я могу создать, не способно сделать мир хоть капельку лучше? Чего тогда стоит мой талант изобретателя?

Д-р Симмонс. Он стоит ровно восемьсот двадцать шесть миллиардов долларов, мистер Барсум. И если говорить начистоту, мне кажется, что в своих рассуждениях вы проходите мимо самого простого, элементарного решения. Вы ведь можете просто поделиться с людьми своими деньгами, разве нет?

Пауза.

Б. Я думал об этом, доктор. Но, по-моему, первое, что

эти самые люди сделают, обналичив чеки, так побегут пломбировать зубы термоядерными реакторами. Моя фирма как раз выпустила новую модель (задумчиво). Нет, деньги – это не решение...

Д-р Симмонс. Мысль довольно наивная, ну да и Бог с ней, вы человек молодой. Я не могу понять другого: почему вас так заботят проблемы человечества? Что оно вам такого сделало, что вы о нём постоянно думаете?

Б. (удивлённо). Как это – что сделало? Я же человек!

Д-р Симмонс (пожимает плечами). И что с того?

Б. (убеждённо). А то, что, будучи человеком, я обязан заботиться о человечестве в меру своих возможностей. Так велит мне моральный долг. Знаю, это звучит не слишком убедительно, но именно к такому выводу я пришёл после долгих размышлений. Другого вывода у меня нет.

Д-р Симмонс. Заботиться о человечестве? А не слишком ли самоуверенно?

Пауза.

Б. (задумчиво). Да, пожалуй, есть немного. Как-то я раньше об этом не задумывался...

Д-р Симмонс. А вы задумайтесь, мистер Барсум, обязательно задумайтесь! Сколько лет вас не было на свете и сколько ещё не будет – а человечество со всеми ошибками ещё существует. Почему вы уверены, что оно не способно самостоятельно справиться со своими проблемами? Ведь люди, в конце концов, разумные существа.

Б. (скептически). Правда? Тогда почему у них почти ничего не получается?

Д-р Симмонс. Потому что люди – неразумные существа.

Б. Вы противоречите себе, доктор.

Д-р Симмонс. (качает головой) Нисколько. Никакого противоречия тут нет. Просто чтобы понять это, нужно быть психиатром. И всё-таки, почему бы вам не оставить в покое человечество? Если уж вам так охота осчастливливать людей, начните с малого – скажем, с работников вашей собственной компании. Они ведь тоже люди, так ведь? Пошлите каждому второму корзину с фруктами или продуктовый набор, устройте лотерею с подержанным «Феррари» в качестве главного приза, пообедайте, наконец, с семьёй какого-нибудь клерка, восхититесь красотой его жены и потрепайте по щёчке малютку-дочь.

Б. Я подумаю над этим.

Д-р Симмонс. И потом: разве вы не делаете мир лучше?

Б. (мрачно) Чем именно?

Д-р Симмонс. Тем, что находитесь на своём месте, тем, что занимаетесь своим делом. Сколько людей работает в вашей компании, мистер Барсум?

Б. (задумчиво) Полтора миллиона. До Лондонского цунами было два.

Д-р Симмонс. Полтора миллиона! Задумайтесь на секунду: только благодаря вам эти люди имеют возможность жить в комфортабельных домах, носить красивую и проч-

ную одежду, питаются здоровой пищей и получают квалифицированную медицинскую помощь. Разве этого недостаточно? И даже если бы работа в вашей компании не давала им ничего из вышеперечисленного, вы, по крайней мере, не хлещете сотрудников бичом из изолированной проволоки, как это на делает своей фабрике подишпников мистер Лансфельд.

Б. А это кто?

Д-р Симмонс. Другой мой клиент. Пришёл ко мне с жалобой на чрезмерную мягкость характера: его время от времени одолевало желание ограничить порку сорока ударами вместо положенных двухсот. После пяти сеансов это намерение его оставило, и я надеюсь, что с вашей навязчивой идеей произойдёт то же самое.

Б. Не уверен, доктор.

Д-р Симмонс. (хлопает себя по колену) Вечно вы в чём-то не уверены! Скептицизм, мистер Барсум, орудие обоюдоострое, и одна его сторона вечно направлена против человека, который это орудие использует. Когда вы допытываетесь у вещей, почему да как, вы не только вещи, вы себя препарируете, и, прошу заметить, без всякого наркоза, на живую. Ну, с чего вам вдруг понадобилось убеждать себя, что дело всей вашей жизни – на самом деле чепуха? Зачем так? Посмотрите на других людей, не на простых, вроде меня, нет – на людей высшей категории! Всю жизнь они трудятся, не покладая рук, ведомые самыми прекрасными, самыми

прочными убеждениями, в которых никогда и не помыслили бы разочароваться! А вы? Только-только, в молодые годы – сколько вам? двадцать шесть лет, двадцать семь? – вы обзавелись своим делом, сделали робкие шаги на пути к грядущему счастью, и тут на тебе: всё это, оказывается, чепуха! Ну, разве так можно, мистер Барсум? Я говорю вам это не только как врач, но и как человек вдвое старший: одумайтесь, пока не поздно.

Б. Но скажите, доктор, разве не следует человеку время от времени пересматривать свои убеждения, проводить уборку, или лучше сказать – ревизию? Это болезненный процесс, согласен, но разве он не способен привести к интересным волнующим результатам?

Д-р Симмонс. Способен. Например, порядочный молодой человек, проведя над собой такой опыт, может вообразить, что его призвание – не конструировать разные приспособления для зубов, а, ни много, ни мало – спасти мир. О, я вижу, вы хотите возразить, вы много размышляли об этом. Не сомневаюсь. Но, может быть, вам следует поменьше размышлять? Оставьте в покое бедное человечество и попробуйте пожить в своё удовольствие. Давно вы в последний раз отдыхали? Вам следует поехать по миру, повидать интересных людей – президентов, уличных мимов или да-лай-лам, посмотреть достопримечательности. Вы знаете, что Большой Каньон залили жидким пластиком?

Б. Неужели? А с какой целью?

Д-р Симмонс (устало). Да Бог их знает. Должно быть, хотели покончить с трудовыми мигрантами, они ведь заполнили Каньон сверху донизу, изрыли его, как термиты. Хорошо, что правительство озаботилось этой космической программой. Дрянная-то она, конечно, дрянная, но тут хотя бы можно сказать: «Не нравится? А попробуй-ка сам!».

Пауза.

Б. (вскакивая с кушетки). Именно!

Д-р Симмонс. Что – именно?

Б. «Попробуй-ка сам!» – это мне и было нужно. Как же я сразу до этого не додумался!

Д-р Симмонс. Мистер Барсум, я вас не понимаю.

Б. (не слушая). Ведь это так просто: другой мир – новые возможности, новые цели! Ещё один шанс! Так просто...

Пауза.

Д-р Симмонс. Напрасно вы так думаете, мистер Барсум. Это совсем не просто.

Б. Почему же? Я вложу в это дело собственный капитал, привлеку дополнительных инвесторов, и дело в шляпе.

Д-р Симмонс. Вы по-прежнему рассуждаете, как бизнесмен – это хорошо. Но как же люди?

Б. А что люди?

Д-р Симмонс. С чего они вдруг захотят предпочесть правительству – вас?

Б. Прежде всего потому, что я не буду им лгать.

Д-р Симмонс (с иронией). Совсем не будете?

Б. (серьёзно) *Совсем. Правительство может говорить все, что угодно – что покорить Космос способен полный дурак, что на далёких планетах колонистов ждут с распростёртыми объятиями космические красоты, что Вселенная – славное местечко, наподобие Гавайев, и населена она разумными инопланетянами, познавшими окончательный смысл жизни и готовыми поделиться современными технологиями просто так, по доброте душевной. Это, разумеется, ерунда, и довольно вредная. Людей она только озлобит. Если бы я строил корабль – а я подумал: отчего бы мне не построить корабль? – я бы говорил по-другому. Я бы сказал: вот трудный путь, и он не для тех, кто мечтает разбогатеть или прославиться. Ступив на него, вы не обретёте уверенности в себе, не завоюете чьего бы то ни было сердца, и уж точно не заработаете себе счастья или хотя бы спокойствия. Что же тогда ждёт вас на этом пути, что он даст лично вам, в обмен на пот и кровь? Ничего, кроме шанса немного – совсем чуть-чуть! – расширить пределы возможного.*

Д-р Симмонс. *Это и есть, по-вашему, спасение, которого жаждет человечество? Едва ли кто-то откликнется на столь безрадостный призыв. Только какой-нибудь совсем отчаявшийся бедняга, которому нечего делать на Земле, согласится на такую участь.*

Б. (горячо). *Так именно поэтому я и хотел бы, чтобы каждый – понимаете, доктор, каждый! – человек, вступа-*

ющий на борт моего корабля, отдавал себе полный отчёт в том, зачем и почему он идёт на этот шаг. Этот человек должен точно знать, чего хочет в этой жизни, и понимать, что только на другой планете – на своей планете! – он сумеет это реализовать. Пусть таких людей будет немного, ничего страшного – мы и малыми силами сумеем выстроить новый мир, которому – дайте подобрать слово! – которому...

Пауза.

Д-р Симмонс. Которому совсем не будет нужен такой человек, как вы, мистер Барсум. (терпеливо, словно обращаясь к ребёнку): Ваша ошибка в том, что вы слишком многого хотите от людей. Из моего врачебного опыта следует, что обычно они не отдают себе отчёта даже в бытовых ситуациях, не говоря о тех, где необходимо принять жизненно важное решение. Мало того – и к разуму вы планируете взывать совершенно напрасно. К чувствам надо обращаться, к чувствам, и к ним одним. Никто не явится к вам лишь потому, что вы помажете в воздухе бухгалтерской ведомостью или инженерным расчётом.

Б. И что я, по-вашему, должен сделать, доктор?

Д-р Симмонс. Отказаться от вашего безрассудного намерения и вернуться к работе. Это наиболее оптимальное решение в сложившейся ситуации.

Б. Доктор, доктор – а если серьёзно? Хоть на минуточку?

Д-р Симмонс (вздыхает). Ну ладно. Например, вы можете пообещать им рай земной.

Б. Как это делает правительство? Нет уж, спасибо! Ведь может случиться так, что мы высадимся на вулканической планете, где не то, что травы – воды не будет!

Д-р Симмонс. Это не имеет значения.

Б. (упрямо) Может быть. И всё же я хотел бы остаться честным. Людей нельзя обманывать в мелочах.

Д-р Симмонс. Попробуйте. Но прежде чем отправитесь осчастливливать человечество, я хотел бы вас предупредить. Вам придётся сильно постараться, чтобы вашу идею восприняли всерьёз, а не сочли очередной безумной затеей легкомысленного миллиардера.

Б. (обиженно). Почему меня должны считать легкомысленным? Разве не я придумал эсвачку, которая при эсевании рассказывает анекдоты (большинство, увы, с бородой), и сверхпрочные стоматологические инструменты, остающиеся целыми даже в эпицентре водородного взрыва?

Д-р Симмонс. Разумеется, вы. Но этого мало: для того, чтобы выглядеть солидным, преуспевающим в жизни человеком, чьё слово твёрже гранита, необходимо соблюдать несколько правил. Во-первых, вы должны иметь устойчивое мнение по любому вопросу, а также как можно чаще изрекать суждения об обществе, науке и искусстве – чем бескомпромисснее, тем лучше. Во-вторых, вы всегда должны говорить громко, словно в театре, и не допускать, чтобы

вас перебивали. В-третьих – и это самое главное – вы должны зарабатывать не меньше ста пятидесяти тысяч долларов в год.

Б. Но я зарабатываю десять миллиардов!

Д-р Симмонс. И в этом ваша беда. Думаю, вам следует...

(приятная музыка) Вы слышали этот сигнал? Наше время вышло, мистер Барсум! Приятно было поболтать!

Б. Но я...

Д-р Симмонс. До скорой встречи! Фу-ух! (обращается к андроиду) **Бернард!** Кто у нас следующий?

«Бернард». Бакстеры, сэр.

Д-р Симмонс. Оба?

«Бернард». Да, сэр, муж и жена.

Д-р Симмонс. Подготовь аквариум – не хочу, чтобы она глотала воздух, как в прошлый раз.

«Бернард». Будет сделано, сэр.

Д-р Симмонс. Ох, уж эти нынешние люди! Ради острых ощущений они готовы на всё – снова и снова быть проглоченными моллюском, в желудочном соке которого содержится галлюциноген, вставлять себе в зубы термоядерные реакторы и готовить попкорн на дне Марианской впадины. Но вселяться в тела животных, чтобы испытать необычные сексуальные ощущения? Кто вообще предоставляет подобные услуги?

«Бернард». Фирма «Животная страсть», сэр. Их девиз звучит так: «Мы гарантируем оргазм даже амёбе».

Д-р Симмонс. Амёбе, говоришь? Ну-ну. И каков шанс вернуться после этого в собственное тело, а, Бернард?

«Бернард». Одиннадцать целых двадцать три тысячных, сэр.

Д-р Симмонс. Вот то-то и оно. (Вздых) Ну ладно, по крайней мере, из всех пар, где муж – кенгуру, а жена – морской окунь, эта самая счастливая. Если аквариум готов, скажи им, пусть входят.

О решительности, с которой Барсум взялся за спасение человечества, свидетельствует рекламный ролик, выпущенный им три недели спустя после визита к доктору Симмонсу. Помимо содержания, ролик интересен тем, что это была дебютная роль Барсума в рекламе – до этого он ни разу не показывался на большом экране, объясняя это стеснительностью и немодельной внешностью.

Начинается ролик с того, что Барсум под грустную музыку сидит у окна и смотрит в затянутое тучами небо. **«Никогда не видел других планет?»** – произносит густой и размеренный мужской голос. Барсум грустно кивает. Сцена меняется: теперь Джон Дж., одетый в мешковатую тюремную робу, меряет шагами угол камеры, образованный тремя осями координат – длиной, шириной и глубиной. Снова звучит голос: **«Надоели икс, игрек, зет?»**, – спрашивает он. – **«От времени и пространства проходу нет?»**

Вновь смена декораций. Барсум в наглухо запаянном

стеклянном кубе, он вплотную прижался лицом к стене, тесным испанскими будильником и измерительной рулеткой. Пауза.

«**Приходи к нам – у нас есть ответ!**», – гремит, теперь торжествующе, голос, и вспыхивает свет. Свет гаснет, и на чёрном фоне возникает силуэт космического корабля. Это и есть надежда человечества – ковчег, который собрался построить Барсум.

Разумеется, создать такой грандиозный корабль одному человеку не под силу, как бы он ни был богат. Зная это, Джон Дж. разослал письма всем крупнейшим промышленникам мира, прося помощи. Одновременно он всячески подчёркивал, что не собирается создавать никакого аналога Долларовой долины, и места в ковчеге достоин любой – лишь бы мог связно объяснить, зачем ему это надо. Естественно, что Барсума никто не слушал – слишком уж хорошо удалась ему реклама.

Пока остов барсумовского ковчега понемногу обрастал мясом, правительство продолжало работу над собственной космической программой. Мы помним, что предыдущий эксперимент с шимпанзе потерпел неудачу из-за того, что компьютер ошибся, складывая два и два. Эту проблему решено было преодолеть усложнением внутреннего устройства компьютера, а также увеличением его габаритов. Если старый электронный разум, управлявший бедолагой «Ноем», легко помещался в коробку из-под обуви, новый образец от-

носительно свободно чувствовал себя лишь в помещении размером с футбольное поле. Протяжённость в пространстве положительно сказалась на его мыслительных способностях, и после того, как эксперты убедились, что новая модель бортового компьютера считает не хуже пятиклассника, было решено перейти ко второму этапу программы освоения других планет: экспериментам с участием людей. Сотни и тысячи добровольцев, соблазнённые обещаниями потрясающего межзвёздного путешествия, направились в специальные центры, дабы, пройдя ряд тестов и заполнив несметное количество бумаг, очутиться в крохотном боксе с десятисантиметровым окошком, за которым в бездонной черноте Космоса мерцали крохотные точки, чрезвычайно похожие на угревую сыпь.

Как сказал по окончании полёта один из участников программы (колонист второго класса и известный ракетный критик, путешествие он провёл в позе эмбриона, с сотнями трубок, торчащих из тела): «Хотя мы и успели привыкнуть к тому, что не все обещания правительства исполняются на сто процентов, данный проект я не могу оценить выше, чем на восемьдесят – восемьдесят пять баллов из ста».

Знакомясь с научной фантастикой XX века, я заметил, что наиболее ядовитой критике её противники подвергали всевозможные технические новшества, вроде атомных ружей и гиперпространственных двигателей, которым авторы не позаботились дать научное объяснение. Сегодня причи-

ны такого молчания ясны, как никогда: в те годы описать на страницах романа реальное устройство нейтринного дезинтегратора значило то же самое, что поделиться с подростком (а кто читает фантастику, как не подростки?) рецептом изготовления бомбы – ведь до сих пор неизвестно, какое из этих двух устройств собрать проще.

Теоретически настоящий гиперпространственный двигатель сможет сконструировать даже пятилетний ребёнок (и, судя по обрывочным свидетельствам, однажды-таки смог). Так что не сложность, а напротив, чрезмерная простота фантастических приспособлений – вот что не давало авторам свободно объяснять, как в действительности устроен тот или иной агрегат. Страшно подумать, что случилось бы, попади в печать реальное устройство бластера – во всяком случае, костяные пуговицы из магазинов исчезли бы надолго, если не навсегда. А если какой-нибудь автор опубликовал в своей книге подлинную схему Идеальной Женщины-Робота (которую, к слову, тоже соорудить нетрудно, хватило бы маргарина), так и род человеческий иссяк за какие-то пятьдесят лет! Нет уж, если и писать о технологиях будущего, то выдумывать, выдумывать и выдумывать – ни слова правды!

Это я рассказываю потому, что никоим образом не намерен раскрывать секрет двигателя, которым были оснащены правительственные ковчеги, первыми достигшие отдалённых звёзд. Скажу лишь, что двигатель громко шумел, воюл перегревшейся смазкой, требовал женщин да покраси-

вее – и хватит на этом. Не то, чтобы я боялся, что вы построите такой у себя в гараже, а затем улетите чёрт-те куда – вряд ли Космосу может серьёзно навредить уважаемый белый мужчина, имеющий работу, любовницу и жену. Проблема в том, что у вас могут быть дети – непоседливые, вздорные, невоспитанные дети, которых к нашей только-только упорядочившейся Вселенной и близко подпускать нельзя. Во всяком случае, пока в ней существуют чируки, в сезон спаривания принимающие облик мячей и прыгалок, и шомблу, которые после смерти превращаются в субстанцию, по вкусу, цвету и запаху идентичную шоколадному мороженому.

Ковчег Барсума был устроен совсем иначе, нежели правительственные. Во-первых, внутри он был примерно в восемьсот раз больше, чем снаружи, что было достигнуто за счёт использования четвёртого измерения, в котором, как известно, одно и то же место способны занимать несколько различных предметов. Из истории моей семьи я знаю, что мой пра-пра-пра-пра-пра-прадед делил отведённые ему пятнадцать квадратных метров ещё с тысячью четырёхместными пассажирами, причём между ними никогда не возникало давки, и даже ванная комната редко была заполнена больше, чем наполовину.

Имела эта конструкция и свои недостатки: так, например, заблудиться в ней было легче лёгкого. Расскажу вам одну историю.

Когда наши предки высадились на Тразиллане, первые жилища они строили из частей ковчега. Так вот, спустя два года после окончания строительства одна молодая пара (дело было в кантоне Дрок) стала жаловаться на странный шум, исходящий из восточной стены их дома, построенного на основе одной из переборок «Бочки». Судя по звукам, кто-то методично долбил стену киркой – причём изнутри. Призванные на помощь соседи внимательно осмотрели дом со всех сторон, но не обнаружили никаких следов того, что кто-то пытался проникнуть в него.

Буквально на следующее утро после визита соседей, когда супруги мирно завтракали, стена рухнула, и из пролома вылез измождённый мужчина в лохмотьях и с отросшей бородой. Наскоро соорудив себе бутерброд, он поведал, что проспал время выхода из ковчега, и, будучи закрыт внутри, следующие два года блуждал по коридорам «Бочки», разложенным в четырёх измерениях. От безумия его уберегли лишь разбросанные там и сям кроссворды, которые он решал по двести штук в день, и единственный сборник анекдотов, зачитанный до дыр.

Спасся он случайно – однажды, во время поисков он заметил, что один из коридоров перекрыла кирпичная стена. При этих словах супруги переглянулись: действительно, проржавевшую восточную стенку на новенькую кирпичную они заменили совсем недавно. Должно быть, этим они нарушили целостность четвёртого измерения и дали бедняге возмож-

ность спастись. Какое счастливое совпадение!

О дальнейшей судьбе спасённого известно немного. Будучи по специальности башмачником, он открыл в Дроке обувную мастерскую, и до конца своих дней пристрачивал подошвы к сапогам. Со временем память о двухлетнем плене перестала его мучить – разве что иной раз, рассматривая гравюры Эшера или картины с оптическими иллюзиями, пристрастие к которым у него неожиданно пробудилось, он ловил себя на мысли, что эти шедевры не совсем соответствуют действительности.

На старости лет всё свободное время он посвятил рисованию странных невозможных фигур и запутанных чертежей, не получивших, впрочем, признания у специалистов. Говорят, над одним из таких чертежей башмачник корпел в ту самую ночь, когда в Дроке бесследно исчезла недавно построенная водонапорная башня, но явилось тому причиной воздействие четвёртого измерения или невнимательность полиции – и по сей день загадка.

Поначалу правительство недоверчиво отнеслось к затее Барсума, питая опасения, что своими призывами этот сумасшедший миллиардер – «игрушечник», как они его называли – переманит на свою сторону наиболее талантливую и активную часть человечества. Впрочем, опасения, как оказалось, были напрасны, поскольку проект Джона Дж. неожиданно возымел куда меньший успех, нежели рассчитывал его создатель. Возможно, виной тому был девиз проекта, гласивший:

«Мы спасаем не ЛУЧШИХ. Мы спасаем ТЕБЯ!». В глубине души Барсум рассчитывал, что на этот призыв откликнутся люди разумные, уверенные в себе и знающие своё место в мире, но вместо этого был вынужден общаться с какими-то странными, если не сказать – подозрительными – личностями.

Когда Барсум просил их чётко сформулировать, почему они готовы покинуть Землю ради неизвестности, одни бормотали что-то невнятное о том, что на Земле их подстерегают злопыхатели, другие, поразговорчивее, жаловались на жён, осточертевшую работу и проблемы с алкоголем. Те же, что прошли собеседование, обнаруживали решительное непонимание ситуации, стоило Барсуму заговорить о риске.

– Так, значит, мы можем и не долететь до пункта назначения? – спрашивали они.

– Да, – отвечал Барсум. – Существует вероятность в одну тридцать вторую процента, что двигатель откажет прямо посередине пути.

– И что же случится?

– Тогда вы, скорее всего, погибнете, когда в ковчеге иссякнут запасы воды и воздуха. Если, конечно, вас не подберёт другой корабль, вероятность чего составляет один к пятнадцати миллионам.

– Но, достигнув планеты, мы окажемся в безопасности?

– Ничуть. Ведь на другой планете может произойти все, что угодно. Допустим, когда вы будете спать в палатке, к вам

подкрадётся чужеземный хищник...

– И получит хороший заряд из бластера! – хлопал себя собеседник по колену. – Нам ведь полагаются бластеры, так ведь? А также лазеры, мазеры, назеры, фазеры и тазеры!

– Полагаются, но современная техника зачастую ненадёжна. Я бы в таком случае предложил принять соответствующую позу и вознести молитву Всевышнему, дабы хищник, глотающий вас, ненароком не поперхнулся.

– Хорошенькая перспектива, нечего сказать!

– Подумайте лучше о другом, – пускал Барсум в ход своё красноречие. – Представьте, что вы пережили это нападение, и перед вами простирается новый, непознанный мир, который вам предстоит покорить, используя лишь собственный разум и Стандартный Набор Колониста: шило, топор, перочинный нож! Разве не прекрасно открыть в себе нового человека – сильного, гордого своим трудом, творца собственного счастья, не теряющего духа даже тогда, когда питаться приходится одной древесной корой?

Бедный Барсум! Ему ещё предстояло понять, что новый человек от старого отличается только орудиями убийства, что старые проблемы, перенесённые на новую почву, не отмирают, но разрастаются пуще прежнего, и что такие слова, как «терпение», «труд», «добродетель» могут быть пугалами почище Голода, Войны и Смерти.

Но это знание – дело будущего, а в те дни единственное, о чём заботился Барсум, это о том, чтобы строить новый мир

ему не пришлось в одиночку.

Но что он должен был сделать, чтобы привлечь внимание к своему проекту? Отчаявшись найти решение, Барсум решил сходить на один из правительственных вербовочных пунктов, дабы посмотреть, как с нехваткой желающих справляются там. Каково же было его удивление, когда под аляповатой вывеской, обещавшей каждому колонисту по космической красотке – вывеской, которую Барсум никогда бы не повесил у себя! – он увидел целую толпу людей, молодых и старых, чьи лица сияли энтузиазмом. Расспросив нескольких человек, Джон Дж. узнал, что все они – кандидаты на первичный осмотр, который проводит ветеран Четвертой Мировой войны, кавалер Пурпурного Сердца майор Строу.

– Его не проведёшь, – заверил Джона Дж. молодой студент-орнитолог, пришедший попытать счастья. – Если хочешь, становись за мной, может, что и получится.

Барсум последовал совету, и, когда настала его очередь, очутился перед немолодым мужчиной в форме Космических войск:

– Покажи зубы, болван! – велел тот Джону Дж.

– Что?

– Ощерься, как следует, и не задавай вопросов!

Барсум послушно оскалится. Мужчина придирчиво изучил его челюсть и даже постучал по передним зубам указательным пальцем.

– Эй, Хоуп, где ты шляешься? – крикнул он, и на зов явил-

ся маленький человечек в лабораторном халате. – Посмотри сюда: по-моему, у этого резцы слабоваты!

– Нормальные резцы, – заявил человечек после тщательного осмотра. – К тому же Камберленд обещал поставить нам тубики с крышечкой, отвинтить которую и ребёнок сумеет.

– Ребёнок! – фыркнул офицер. – Пока что с их тубиками справится разве что тиранозавр! Ладно, парень, – обратился он к Барсуму, – ты годишься, ступай к Расмуссену, пусть старый хрен осмотрит твоё хозяйство.

– А это обязательно? – спросил Барсум.

– Если ты хочешь получить сосиску и значок – да. Но ты пришёл в Космос лететь или задавать вопросы? Следующий!

Уступив место другому соискателю, Барсум отошёл в сторону и принялся разглядывать тех, кто прошёл полный осмотр. Они собрались отдельной группой, и у каждого на груди красовался значок с переливающейся всеми цветами надписью «Лучший из Лучших, Покоритель Вселенной, Верный Сын Человечества». Это, по-видимому, настраивало их на соответствующий лад, поскольку они в полный голос обсуждали остальных претендентов, не смущаясь их присутствия.

– Нет, ребята, вы подумайте! – разглагольствовал лидер группы, толстяк в безразмерном пончо, показывая пальцем на парнишку, проходящего первичный осмотр. – Неужели нам нужен такой дохляк?

– Чёрта с два! – было ему ответом.

– Или этот, с разноцветной шевелюрой?

– Пускай бреется!

– Лучше пусть сразу убирается к дьяволу!

– Кто здесь лучшие из лучших? – продолжал толстяк, живот которого колыхался при каждом слове.

– Мы!

– Кто надерёт задницу инопланетянам по всей Галактике?

– Мы!

– А почему?

– Потому что мы – лучшие из лучших!

– Вы не слишком-то похожи на лучшего из лучших, – заметил Барсум, подойдя ближе. – Вряд ли вы при таком весе способны выдержать перегрузки, которые возникают в ракете на старте и при посадке. Надеюсь, вы не в обиде на меня за это скромное замечание?

– Нисколько, – ответил толстяк снисходительно. – Ты говоришь так потому, что у тебя нет значка. Если бы у тебя был значок, ты бы смотрел на вещи совсем иначе, и не терзался бы подобными глупостями. Какая разница, сколько я вешу? Важно, что я – лучший из лучших, и мне вместе с друзьями суждено покорить для человечества Космос.

– Всё это не решает проблемы с силой тяготения, – пожал плечами Барсум. – Вы задохнётесь, едва ракета оторвётся от Земли.

Толстяк наставил на Джона Дж. палец.

– Чтобы ты знал! – сказал он с покрасневшим от гнева лицом. – Мои сперматозоиды признаны более живучими, чем у пещерного человека! Их даже гамма-излучение не берёт! В новом мире я буду оплодотворять всех женщин – круглосуточно!

– Да ладно, Броуди, не трать на него время, – хлопнул толстяка по спине приятель. – Ясно же, что он один из тех придурков, что горбчатся за десять центов в день. Где ему оценить такие перспективы?

Вербовочный пункт Барсум покинул с тяжёлым сердцем. Все эти люди не годились для покорения Космоса, и вместе с тем в глубине души он понимал, что они отправятся туда, и преуспеют, а он, если и дальше будет придерживаться своих принципов, обречён оставаться на Земле.

И вот Барсум шёл по улице, и настроение у него было хуже некуда. Наконец, он остановился у огромного рекламного щита фирмы «Животная страсть». Надпись на щите гласила: **«СЕКС С ВЫМИРАЮЩИМИ ЖИВОТНЫМИ – ТЕПЕРЬ СО СКИДКОЙ! ЗАКАЖИ СЛОНА – ЗАПЛАТИ КАК ЗА ЛАМУ!»**

– Да, Джон, – сказал себе Барсум. – Величают тебя гением, а подлинный гений – это человек, который изобрёл винегрет. Казалось бы, что может быть глупее: свалить в одну кучу людей всех профессий и возрастов, и надеяться, словно ленивая домохозяйка, что огромная духовая печь – Космос – превратит эту мешанину в съедобное блюдо. Но ведь сработает

эта глупость, да ещё как! Пусть этого никто не осознаёт, но это единственно правильный выход, и плевать, что выбран он наугад, вслепую. Главное – результат! Пока я видел только сырьё, но начнётся для этих людей настоящая жизнь – там, далеко, быть может, за сотни тысяч световых лет отсюда, и отольются из этих заготовок учёные, инженеры, спортсмены, писатели и художники. Кто знает, может быть, появятся среди них те самые люди, знающие, чего следует по-настоящему хотеть в жизни – люди, которых я ждал напрасно, потому что зрячий человек никогда не пойдёт за слепым, а я слеп.

Но что же делать? Ответ простой: они берут всех подряд, и я должен брать всех подряд. Но по-другому – да, по-другому. Правительство полагается на удачу, но здесь у меня найдётся, чем возразить. Что лучше: получить винегрет по воле случая, как результат лени и нерадивости, или собственноручно помыть, отварить и нарезать нужные овощи в строго необходимых пропорциях? Рассыпать семена по грядке наугад, или терпеливо спланировать рассадку в надежде на богатый урожай? Разумеется, предпочтительнее расчёт. Если космос должно покорить человечество – такое, какое оно есть – так соберём и мерзавцев и святых в надлежащей пропорции! Пусть никто не знает, чего хочет, не знает, зачем живёт на свете и для чего бьётся его сердце – это нисколько не помешает делу, ибо я и сам не понимаю, куда иду и чего хочу достигнуть!

Такие слова сказал себе Барсум, и начал с того, что в

тот же день под залог освободил из различных тюрем сто двадцать девять заключённых, семеро из которых получили срок за растление малолетних, а трое подозревались в каннибализме и осквернении могил.

На вопрос присутствовавшего при этом журналиста, зачем он коллекционирует асоциальные элементы, Барсум ответил, что его задачей является сохранение человечества, а человечество, лишённое асоциальных элементов, просто-напросто перестаёт быть таковым.

«Каждая ниша в обществе должна быть заполнена», – торжественно провозгласил он. Иными словами, помимо добропорядочных граждан, составляющих хребет общества, необходимы убийцы, воры, взяточники (в отсутствие которых полиция превращается в самодовлеющую силу), а также террористы и заговорщики всех мастей (обычная политическая оппозиция не годится, поскольку быстро смешивается с правящей партией). «Безусловно», продолжал Барсум, – «новый мир, который возникнет на другой планете, окажется не менее кровавым и страшным, чем старушка Земля. Но разве не в этом суть второго шанса: в тех же условиях получить качественно иной результат? Да и взглянем на это с другой стороны! Неужели эта жуть не делает комфортное существование ещё более приятным? Представьте себе следующую картину: вы сидите в любимом кресле, прихлёбываете горячий шоколад, на коленях свернулась ангорская кошка... А в газете, которую вы лениво перелистываете, как всегда, одни

страсти: эти акции упали, эти подскочили, как бешеные, одного политика убили, другого искалечили, взорвался автобус с детьми, упал самолёт, и какой-то очередной аятолла объявил джихад. И вот вы читаете эти ужасы и думаете: ах, как хорошо, что я сижу в мягком кресле, а не улепётываю под батарейным огнём от воющих дьяволов в бурках. Всё просто: не будь этой несчастной войны, вы бы не так остро чувствовали вкус жизни. К тому же, – вернулся Барсум к проекту, – ошибочно полагать, будто я собираю экипаж исключительно из мерзавцев и психопатов. Вовсе нет. С преступников я начал лишь потому, что их проще найти: зашёл в первую попавшуюся тюрьму – и порядок. Меня удивляет, что никто до сих пор не придумал подобные заведения для порядочных граждан – подумать только, как это облегчило бы мою задачу! Но нет, так нет – значит, будем искать по старинке. И обязательно найдём!».

В ответ на это заявление «Геральд Трибьюн» немедленно опубликовала карикатуру: Барсум, одетый в рубище, шагает по Бродвею, размахивая треснувшим фонарём. «Новый Диоген, – гласила подпись, – ищет человека. Помогите ему, справедливый и добрый читатель, а заодно ответьте на вопрос: не слишком ли мешают поиску порядочных людей те несколько миллиардов, что отягощают его карман? Может быть, если уважаемый Джон Дж. Барсум переселится из роскошного особняка в глиняный пифос, это сделает его взгляд более зорким?». К карикатуре прилагалась петиция с красно-

речивым названием «Лезь в бочку!». В течение недели её подписали более двух миллионов человек. Барсум только вселился. Чтобы позлить недоброжелателей, он переименовал свой ковчег, до этого носивший звучное имя «Галактический странник», в «Бочку». Последним же ударом, добившим его врагов, стало размещённое на одной полосе с карикатурой следующее объявление (оплаченное, разумеется, Барсумом):

ВНИМАНИЕ!

«Всем! Всем! Всем! Если ты молод, умён, предприимчив, если ты смел, ответственен и упрям – «Глобал Индастриз» ждёт тебя! Стань Искателем – путешествуй по свету, пробуй новое, знакомься с людьми – всё совершенно бесплатно! Ты, конечно, спросишь: а что взамен? Может быть, мне сломают пальцы на руках или вырежут почку? Ха-ха-ха (драматический смех)! Нет, зачем же такие ужасы? От тебя потребуется простая вещь. Если в твоих странствиях тебе встретится какой-нибудь интересный или необычный человек – полисмен, автослесарь или даже преступник (ого-го, какой поворот сюжета!), дай ему специальный флаер и предложи присоединиться к нашему сообществу. Удачи тебе, дружище!

Как нас найти: в любом городе иди в наш филиал и обращайся к старшему менеджеру – он знает, что делать.

С наилучшими пожеланиями,

Джон Дж. Барсум и экипаж «Бочки» (нас уже 5 человек, и это число растёт).

Следом за «Геральд Трибьюн», это объявление с незначительными изменениями было опубликовано во всех газетах мира. На призыв Барсума откликнулось примерно полторы тысячи человек. Получив на руки приличную сумму денег и вооружившись специальными вопросниками, они отправились на поиски будущих членов экипажа «Бочки».

Вопросник состоял из трёх частей. Первая часть предлагала испытуемым ответить на несколько довольно простых вопросов, как то: что такое Бог? справедливость? красота? истина? добро? зло? любовь? Второй блок был посложнее: он включал в себя вопросы, имеющие несколько вариантов ответа. Вот, например:

Вопрос № 356. Вы – морской пехотинец армии США. Во время наступления ваша рота сожгла вьетнамскую деревню. Что вы оставите на пепелище?

А) Рождественскую открытку

Б) Зажигалку «Зиппо»

В) Своё разбитое сердце, навсегда разочаровавшееся в демократии

Г) Это поганые «чарли» ничего не получат!

Третья часть вопросника была самой короткой. Вопрос в ней был всего один:

«Хотите ли вы стать пассажиром «Бочки»?»?

А) Да

Б) Нет

Поиск кандидатов в пассажиры «Бочки» производился одновременно во многих направлениях. Помимо обычных граждан, были отобраны политики, военные, философы, учёные, супермодели, футбольные фанаты, городские сумасшедшие, любители видеоигр, художники, актёры – как бездарные, так и лучшие из лучших. На борт принимались худые и толстые, больные и здоровые, богатые и бедные. Не удержавшись от искушения, Барсум принял на борт несколько десятков прокажённых и жертв витилиго. Поиск шёл и по более обширным критериям, нежели профессия и положение в обществе. Так, в числе пассажиров оказались примерно сто пятьдесят тысяч человек, считающихся умными, и столько же людей, заслуживших репутацию неисправимых гупцов. Что интересно, и те и другие могли как преуспевать в жизни, так и бедствовать: здесь Искатели не обнаружили какой-то чёткой закономерности.

Сложнее всего дело обстояло с таким неуловимыми существами, как дураки. Выступая перед очередной партией Искателей, Барсум подчеркнул, что дурак (не просто глупый человек, а именно дурак) необходим обществу, как воз-

дух. К сожалению, единственный экземпляр, удовлетворяющий всем без исключения критериям дурака, занимал на момент обнаружения пост президента нефтяной компании, и уговорить его добровольно оставить столь выгодное место не представлялось возможным. Так что Искателям пришлось удовлетвориться субъектами второго, а то и третьего сорта, что изрядно опечалило Барсума. Но и без первоклассных дураков население «Бочки» составило почти полтора миллиона человек – более чем достаточно для любого Спасителя Человечества, ибо не количеством сильны.

Не следует думать, что Искателей везде принимали с распротёртыми объятиями. Немало их осело в благоустроенных тюрьмах Европы (официальное обвинение – подстрекательство к мятежу), ещё больше сгинуло на Дальнем Востоке и в джунглях Южной Америки, где Искатели рассчитывали пополнить экипаж «Бочки» племенем янеманго – марксистами и собирателями черепов. Одно время хотели арестовать и самого Барсума, но тот куда-то пропал: как выяснилось позже, отбыл на остров Борнео, дабы лично возглавить работы над разумным зубным протезом – лучшим другом холостяков среднего возраста. «С ним всегда можно поговорить, когда тебе одиноко, – гласил рекламный проспект этого выдающегося изобретения. – А ещё он любит тот же шоколад, что и ты».

По мере того, как приближался старт ковчега, в прессе началась нешуточная шумиха. Те триста тысяч жителей стран

«третьего мира», что по приглашению Барсума обрели приют в трюме «Бочки», благожелательно настроенные издания называли «будущим подспорьем в нелёгком деле колонизации планет», а газеты-противники проекта – «дешёвым топливом для бортовых двигателей».

Последние слухи Барсум опроверг лично.

– Все пассажиры «Бочки» обладают равными правами, – заявил он, выступая перед журналистами. – Уже сейчас на нижней палубе ковчега, помимо дополнительных баллонов с кислородом, установлены пищевые синтезаторы, задача которых – переработка мочи и экскрементов в мороженое и персиковый напиток, идентичный натуральному. Что же касается удовлетворения духовных потребностей пассажиров нижней палубы, то с этой целью нами закуплено более ста пятидесяти тысяч фильмов категории В, С, D и F, а также свыше одиннадцати тысяч игровых автоматов и телевизионных приставок. В будущем, если мои обязанности на мостике не будут отнимать слишком много времени, я и сам не откажусь пожить в трюме хотя бы недельку.

Чем дальше продвигалось строительство «Бочки», тем большее сопротивление оказывала внешняя среда. Ведущие фабриканты, обозлённые тем, что Барсум лично не предложил им места в ковчеге (принимать спасение из рук Искателей, а значит вливаться в экипаж на равных условиях им не слишком-то хотелось), продавали ему сырьё втридорога, задерживали поставки, засылали на стройку шпионов и сабо-

тёров. Недовольно было Барсумом и правительство: из чудака с нелепыми лозунгами, шумного, но безопасного, он превратился в серьёзного конкурента. От обвинения в измене его спасла лишь докладная записка, врученная президенту США министром внутренних дел. В ней министр доказывал, что небольшое кровопускание человечеству не повредит, да и выпущенная кровь – обычно дурная, мешающая нормальному самочувствию. Прочитав записку, президент наложил на неё резолюцию, текст которой я приведу полностью.

«Игрушечник совсем зазнался, – написал он в правом нижнем углу листа. – Помучайте его хорошенько».

И Барсума принялись мучить.

Во-первых, были опубликованы его счета, из которых выяснилось, что Барсум в плане личного комфорта довольно неприхотлив, если не сказать – аскетичен. «Он носит стоптанные кеды, меняет свой гардероб всего два раза в год, оставил квартиру мебелью собственного изготовления и ни разу не пробовал «Потрясающий лунный пудинг» – любимое лакомство кинодивы Принцессы ван Раандт, за один кусочек которого она неоднократно выражала прекрасное, пусть и несколько запоздалое желание «расстаться со своим веночком», – писал корреспондент «Геральд Трибьюн».

Широкой публике эти сведения пришлись не по вкусу. Человек, возомнивший себя Бог знает кем, говорили на кухнях, в пивных и в общественных туалетах, должен вести себя Бог знает как, а иначе это очень подозрительно.

– Чёртов скряга! – восклицали одни. – Нет, чтобы повеселиться, как следует, с такими-то деньжищами! Сразу видно, что нет у человека фантазии. Нам бы его деньги, уж мы бы развернулись, такую вечеринку устроили бы, что и на ногах не устоишь!

Другие, напротив, утверждали, что скромность в быту – не порок, и беспокоит их совсем другое: не потребует ли Барсум такого же самоотречения от своего экипажа, то есть, не прячется ли под личиной Спасителя Человечества фанатик и тиран – они ведь, как известно, довольно неприхотливы. В подтверждение своих опасений они ссылались на интервью с Джоном Дж., в котором тот называл себя самым немилосердным из всех доброжелателей человечества, и утверждал, что не спокойной жизни он ему хочет, а возможности прожить себя. Вдруг это правда? Что скажет сам Барсум?

Барсум молчал. К чему тысячу раз повторять одно и то же? Из самых первых интервью, в которых Джон Дж. честно пытался объяснить, зачем построен ковчег, он понял, что в действительности никого не интересуется, знает ли он, чего хочет, равно как и хочет ли он вообще чего-нибудь. Его спрашивали о душевых кабинках, умывальниках и бильярдных, интересовались вместительностью бортового холодильника и часовни. Интервьюеров интересовало, как Барсум будет решать проблему однополых браков и сексуальных девиаций, а также где он будет содержать экзотических домашних животных.

– Вы понимаете, что, поместив живого удава в коробку от кресла-кровати, вы нанесёте серьёзный ущерб его телесному и психическому здоровью? – спрашивал Барсума репортёр.

– Не думаю, – отвечал Джон Дж. – По моим сведениям, примерно тридцать процентов населения Земли проживает в схожих условиях и не испытывает никакого дискомфорта от подобного унижительного существования. В конце концов, если человеку удобно в коробке размером метр на два, то удаву грех жаловаться.

Во-вторых, специально обученные журналисты занялись личной жизнью Барсума, и вскоре взору общественности было явлено несколько десятков аппетитных блондинок в возрасте от шестнадцати до тридцати пяти лет, утверждавших, что Барсум, пользуясь грубой силой и шантажом, склонил их к сожителству. Одна из них, по имени Мэри Энн (ангелочек с нежными щёчками и чудным носиком), рассказывала такие ужасы, от которых кровь стыла в жилах. Помимо самого Барсума, в её показаниях фигурировали дворецкий девяноста трёх лет от роду, племенной жеребец, по меньшей мере шесть роботов (из них только два человекоподобных) и установка ядерного синтеза, работающая на оружейном плутонии.

– Я умоляла его остановиться, – плакала Мэри Энн перед камерой, – но он был непреклонен! Он сказал, что способен испытать оргазм лишь тогда, когда его жертва испытывает нечеловеческую боль.

– Боже мой, неужели он мучил вас? – в паузе между рыданиями спросил интервьюер. – Как он мог поднять руку на столь незащитное создание?

Мэри Энн всхлипнула в последний раз и вытерла глаза любезно поданным платочком.

– Думаю, это месть, – сказала она твёрдо. – Месть всем женщинам Земли. Мы проходили это на втором курсе по психиатрии. Должно быть, какая-нибудь женщина отвергла его гнусные домогательства, и он пришёл в ярость.

– То есть вы считаете, что причиной сексуальных извращений является несостоятельность Барсума как мужчины?

– Совершенно верно.

– А как бы вы охарактеризовали его личность?

– Личность? – переспросила Мэри Энн. – Чёрт, к этому вопросу я не готовилась. Разрешите заглянуть в учебник?

– Простите?

– В шпаргалку, идиот, в шпаргалку! Ты опять забыл свою реплику?

– А! – хлопнул себя рукой по лбу репортёр. – Конечно, конечно!

– Итак, – продолжила несколько минут спустя Мэри Энн, – я бы сказала, что Барсум – нарциссическая личность, совершенно не способная к сопереживанию. Это крайний эгоцентрик, озабоченный лишь телесными удовольствиями, готовый пойти на всё ради удовлетворения своих страстей. Все его чувства поверхностны и недолговечны. Он – раб сво-

их инстинктов, наполовину животное.

– Но как тогда расценивать его скромность и неприязнительность?

– Как свидетельство глубокой развращённости его натуры. Из неё же и проистекает желание Барсума покинуть Землю, якобы в поисках новых возможностей. Новые возможности, как же! В действительности, будучи абсолютно неконкурентоспособным в сравнении с обычным человеком, он считает, что в Космосе сумеет реализовать свои подавленные желания. Но это не так: даже в Космосе эгоист остаётся эгоистом, а ничтожество – ничтожеством.

– Совершенно верно, Мэри. Нашим зрителям интересно: что бы вы сказали людям, которые покинут Землю вместе с Барсумом? Есть ли у них какой-то шанс?

– Я бы сказала им: да поможет вам Бог.

Другое истолкование Барсума дал доктор психиатрии, автор книги «Половая жизнь лам» профессор Уокерли. Проанализировав изобретения Джона Дж., он сделал вывод, что тот из-за перенесённой в детстве травмы навсегда остановился на оральной стадии развития личности – иными словами, по мнению профессора, этот магнат в свои двадцать семь лет был ничуть не взрослее пятилетнего мальчишки, который тянет в рот всякую гадость.

– Что вы можете в таком случае сказать о его сексуальной жизни? – спросил профессора корреспондент.

Профессор улыбнулся. Это была роскошная улыбка,

улыбка, словно сошедшая с телеэкрана – тридцать два белоснежных, идеально ровных зуба.

– Без всякого сомнения, – сказал он, продолжая улыбаться, – Джон Дж. Барсум – настоящий, стопроцентный оналист. Другого мнения быть никак не может.

Хватало и укусов помельче. Редкая газета не пестрела заголовками вроде:

**ДЖОН ДЖ. БАРСУМ – ПОЗОР
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!**

**ОСТАНОВИМ ПРОИЗВОЛ СВИХНУВШЕГОСЯ
ДЕЛЬЦА!**

БАРСУМ ПОГУБИТ НАС ВСЕХ!

ДОЛОЙ «ИГРУШЕЧНИКА»!

СКАЖЕМ ДЖОНУ ДЖ.: «НЕТ!»

**СПАСЕМ ПОЛТОРА МИЛЛИОНА НАШИХ
ГРАЖДАН ИЗ РУК НЕГОДЯЯ!**

ТРЕБУЕМ СУДА НАД ВРАГОМ ЗЕМЛИ!

**ПРАВДА О ВЕЛИЧАЙШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ!**

К. БАРСУМ: «МОЙ СЫН – ЧУДОВИЩЕ!»

БАРСУМ: ПСИХОПАТ ИЛИ ПРЕСТУПНИК?

ГРАЖДАНЕ НЕПАЛА ТРЕБУЮТ
НЕМЕДЛЕННОГО СУДА НАД БАРСУМОМ!

ИЗВРАЩЕНЕЦ ГОТОВИТ КОСМИЧЕСКУЮ
ОРГИЮ!

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ГОМОСЕКСУАЛИЗМ

**РАСКРЫТА ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ БАРСУМА:
НЕЗАКОНОРОЖДЕННЫЙ СЫН МАГНАТА
РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ**

**БАРСУМУ ПОСТАВЛЕН ДИАГНОЗ: РАННЕЕ
СЛАБОУМИЕ**

ЖИТЕЛИ МАРИУПОЛЯ ТРЕБУЮТ НЕ
ВЫПУСКАТЬ «БОЧКУ» С ЗЕМЛИ! СОБРАНО УЖЕ
8 000 000 ПОДПИСЕЙ!

**БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦ ОБРЁК
НА СМЕРТЬ МИЛЛИОНЫ НЕВИННЫХ!**

ПОКА БАРСУМ БОЛТАЕТ, ЛЮДИ УМИРАЮТ!

ОБНАРОДОВАНЫ СЕНСАЦИОННЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ! КОВЧЕГ

БАРСУМА ПОСТРОЕН С НАРУШЕНИЕМ ВСЕХ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМ!

ДЕНЬГИ НА «БОЧКУ»: БАРСУМА ПОДОЗРЕВАЮТ В МОШЕННИЧЕСТВЕ!

В ЧИКАГО ОГРАБЛЕН ПРИЮТ ДЛЯ СИРОТ! БАРСУМ ПРИОБРЕЛ НОВЫЙ ГАЛСТУК!

РЕПУТАЦИЯ «ГЛОБАЛ ИНДАСТРИЗ» ПОД УГРОЗОЙ! СОВЕТ АКЦИОНЕРОВ ГОЛОСУЕТ ЗА ЛИШЕНИЕ БАРСУМА ПРАВА РАСПОРЯЖАТЬСЯ АКТИВАМИ КОМПАНИИ!

НА ИМУЩЕСТВО БАРСУМА НАЛОЖЕН АРЕСТ!

РАБОЧИЕ «ГЛОБАЛ ИНДАСТРИЗ» ВЫХОДЯТ НА ДЕМОНСТРАЦИЮ. «МЫ ПРОТЕСТУЕМ ПРОТИВ РЕШЕНИЯ БАРСУМА ПОКИНУТЬ ЗЕМЛЮ», – ЗАЯВИЛ ЛИДЕР ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ Д. ВАЛЕНТАЙН.

СЕНАТОР МАКУОТТ: «БРОСАЯ СВОЁ ПРЕДПРИЯТИЕ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ, БАРСУМ ПОСТУПАЕТ БЕЗОТВЕТСТВЕННО! ТЫСЯЧИ РАБОЧИХ МЕСТ БУДУ УПРАЗДНЕНЫ ВО ИМЯ СИЮМИНУТНОЙ

ПРИХОТИ!»

АССОЦИАЦИЯ БИЗНЕСМЕНОВ АМЕРИКИ ОБЯЗАЛА БАРСУМА ВЫПЛАТИТЬ 156, 7 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ ШТРАФА.

С. МАРБЛ, БЛИЗКИЙ ДРУГ БАРСУМА: «ИМ ДВИЖЕТ СТРАХ. ОН ПРОСТО БОИТСЯ ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ. ЕМУ НЕ ПОД СИЛУ СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ».

«ВОН ИЗ СТРАНЫ!», – ЗАЯВЛЯЕТ БАРСУМУ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ «СЕРЬЕЗНЫЕ МОЛОДЫЕ АМЕРИКАНЦЫ».

«СВОИМ ПОСТУПКОМ ОН ПРЕДАЕТ НЕ ТОЛЬКО СВОЮ СТРАНУ, НО И ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!» – Б. У. РЕМАН, ФИЛОСОФ, СОЦИОЛОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ.

Да, это были болезненные уколы: Барсум оставил их без внимания лишь потому, что ждать осталось недолго. Пусть себе надрывают глотки, думал мрачно Джон Дж. Публике нравятся вопли; всё, что разнообразит процесс пищеварения – хорошо, а если информация, помимо познавательной, выполняет ещё и морально-воспитательную функцию – тем лучше. Может быть, кто-нибудь и вправду станет нравственнее, увидев, как его поливают грязью – в том, **что именно** способно изменить человека в лучшую сторону, нико-

гда нельзя быть уверенным наверняка. Публика злорадствует над человеческим горем, исторгающим слёзы из камня, и светлеет душой, прочитав грошовую книжку о разговорах с Богом; всем сердцем жалеет дальнего и равнодушно проходит мимо ближнего своего. Какой с неё может быть спрос?

Люди – это люди, сказал себе Барсум.

Земля вертится, повинуюсь незримым силам гравитации.

Задача живых существ – породить другие живые существа.

А я должен заниматься своим делом.

Но это было проще сказать, чем сделать. Когда мир ополчается против человека, человек ищет точку опоры. Боэций в ожидании казни писал «Утешение философией». Барсум в тяжёлый для себя период сочинил сказку, которая сегодня включена во все тразилланские хрестоматии. Называется она «Джек расширяет Землю»:

Как известно, если долго лежать на одной и той же подушке, она сплющивается, становясь похожей на блин. То же самое однажды произошло и с Землёй. Она сплющилась, и этого никто – ну, почти никто – не заметил. Всё шло своим чередом: летали самолёты, катились вдаль по рельсам поезда, сходили с конвейеров автомобили и рождались новые люди.

Человеку, по большому счёту, всё равно – круглая Земля, или плоская. Особенно если всё на ней разведано и изучено вплоть до последнего камешка, а Реки, Моря, Горы и Долины – названы, и не единожды.

Уютное обжитое местечко – вот какая была Земля, на самом краю которой неторопливо и скучно жил Джек.

Вы не ослышались – на самом-самом краю. Задний двор его дома, заросший сорняками, оканчивался проволочным забором, за которым земля обрывалась, и начиналось бескрайнее небо. Устав от прополки сорняков, Джек частенько подходил к ограде и смотрел в голубую пустоту.

Ничего себе, думал он. Упадёшь туда – и никакая полиция не сыщёт.

Жутковатое было чувство, если честно.

Однажды Джек привёз на задний двор тачку с землёй – несмотря на все неудачи, бедняга верил, что сможет вырастить баклажаны не хуже, чем у соседа, старого Смита. Прислонив тачку к проволочной ограде, Джек вздохнул и ухватился за очередной куст чертополоха.

Раз, два, взяли!

Ага, как же. Крепко держится. И секатор не поможет – эту дрянь надо вырывать с корнем. Что ж, попробуем ещё раз.

Джек расставил ноги пошире, поплевал на руки и потянул изо всех сил. ещё чуть-чуть, ещё...

Раздался хруст, и Джек упал на спину. Проклиная на все лады чертополох и землю, попавшую в волосы, он поднялся и увидел, что тачка опрокинулась.

А земля – земля из тачки высыпалась за ограду.

И не падала, хотя должна была упасть. Просто

висела в воздухе, как если бы её что-то поддерживало снизу.

Джек сходил за кусачками, и, разрезав ограду, ступил на рассыпанную землю. Вопреки его опасениям, она выдержала. Внезапно Джека охватило странное веселье: он словно очутился там, где было возможно все. Открывшаяся перед ним пустота по-прежнему ошеломляла, даже пугала, но теперь во власти Джека было заполнить её, чем угодно. Новорождённая земля могла стать садом, на ней можно было построить красивую фабрику, производящую красивые вещи, а можно было предоставить землю самой себе – пусть растут на ней жёлтые одуванчики да щёголь-репей.

А самое главное – едва воображению станет тесно, и захочется чего-то нового – достаточно насыпать ещё земли.

Да, для Джека это было поистине чудесное открытие. Он слегка заваяничал, и в беседе со Смитом (этим вечером они сидели у Джека на крылечке и курили трубку) осмелился усомниться в его баклажанах. При этом на мгновение у него мелькнула мысль: а не провозгласить ли себя королём или даже императором новой земли? В конце концов, разве не он её создал? Разве не ему принадлежит она по праву? Однако он тут же устыдился этой мысли и сказал себе: «Ну, уж нет, парень, оставайся-ка лучше просто Джеком. Всяких императоров, королей и президентов и так достаточно».

На следующее утро он взял тачку с землёй и снова

вышел за ограду. Земля держала его так же хорошо, как и раньше, и за ночь из неё успела проклюнуться свежая травка.

– Ну ничего себе, – сказал Джек, – Знаешь что, землица? А давай-ка мы сделаем тебя чуть побольше...

Он высыпал землю из тачки и тщательно распределил по периметру участка. Таким образом, поверхность увеличилась ещё на полтора метра.

– Курочка по зёрнышку клюёт, – сказал Джек, и лицо его, обычно хмурое, озарила улыбка.

Так и повелось у него с тех пор: ни свет, ни заря он вставал и шёл расширять Землю. Трудно сказать, зачем он это делал, ведь никакой пользы от этого не было, потому что заниматься своими делами люди успешно могли и на старой Земле – даром, что она была исхожена вдоль и поперёк. Наверное, Джеку нравилось думать, что когда он достаточно расширит Землю, на ней вновь появятся таинственные места, не нанесённые на карту: пещеры, гроты, затерянные в джунглях города. Какой восторг испытают те смельчаки, что их обнаружат!

Когда новорождённая земля выросла в размерах до гектара (удивительно, как её до сих пор никто не заметил: должно быть, люди, живущие по соседству, заколотили окна, выходящие на задний двор, чтобы не отвлекаться от такой милой, такой привычной жизни), Джек решил, что хорошо бы вырыть на участке небольшую речку – дабы оживить пейзаж. Весь день он копал русло, затем таскал воду, и вот – к

вечеру на Земле стало одной рекой больше.

Надо сказать, что речушка у Джекка вышла хоть и скромная (ручeyк, а не река!), но с характером. Едва Джек вылил последнее ведро, она сразу выскочила из русла и побежала своей дорогой – к самому краю Земли. Сперва Джек боялся, что она просто выльется за край, но таинственная сила, удерживавшая землю от падения, продолжала действовать, и речка, постепенно расширяясь (откуда только бралась вода?) продолжала двигаться туда, куда так или иначе движутся все реки – к далёкому-далёкому морю. Джек следил за ней, пока она не достигла горизонта, а потом перестал.

На другой день он решил смастерить гору. Да-да, гору! Наверное, это странно, но за последнюю неделю он настолько поднаторел в новом увлечении, что построить гору казалось ему не труднее, чем провести железную дорогу. Прокладывают же рабочие шпалы – и ничего! Проработав две недели, он отложил в сторону кирку, вытер пот и осмотрел своё творение. Несмотря на то, что Джек старался, как мог, получился скорее пологий холм. Огорчённый, он отправился спать. Наутро же, выйдя из дома, он был ошеломлён: перед ним высилась огромная гора, склоны которой были увиты диким кустарником. На самой высокой площадке гнездились орлы. Даже воздух на заднем дворе стал каким-то другим – чистым и свежим.

Тогда Джек принял решение. Он попрощался с

соседями, заколотил окна своего дома, выходящие во двор, и переселился на свою землю. Единственный, кому он сказал о ней, был старый Смит – этот, был уверен Джек, не проболтается.

На своей земле Джек построил новый дом, где и живёт по сей день. Каждое утро он выходит из дома, чтобы увеличить Землю ещё чуть-чуть. Это доставляет ему большое удовольствие.

Прямо сейчас, я уверен, Джек сидит у окна, любуется великолепным садом, где культурные овощи мирно уживаются с сорняками (ведь и сорняки, если задуматься, тоже нужны) и думает о том, что построит завтра.

А мир вокруг живёт обычной жизнью. Люди занимаются своими делами, не замечая, как растёт Земля. И это к лучшему.

Надо сказать, что, несмотря на достигнутые успехи (недавно Джек соорудил первый водопад – почти полгода работы!) он продолжает оставаться скромным человеком.

Ему приятно думать о том, что где-то есть и другие люди, расширяющие Землю. Иногда он думает: а не черкнуть ли им пару строк, не пригласить ли на чашку чая? Правда, по здравому размышлению, он отказывается от этой идеи. Что-то подсказывает ему, что такой работой, как у него сейчас, каждый должен заниматься в одиночку. Может быть, потом, настанет время, когда труд будет окончен (а это когда ещё будет!), и тогда люди, расширившие

Землю, соберутся вместе, чтобы поделиться своими историями.

А пока, говорит он себе, крепче держи лопату, Джек!

И вот, как ни старались журналисты, как ни упорствовали производители стали и электроники, настал день, когда работа над «Бочкой» была окончена. Надо сказать, что сам ковчег нисколько не оправдывал своё название, напротив, это было изящное судно, дизайн которого вобрал в себя всё лучшее от яхты и гоночного автомобиля. Художники-оформители, нанятые Барсумом, подошли к задаче творчески, в результате чего снаружи ковчег был украшен всевозможными фресками и картинами, выполнявшими, помимо эстетической функции, ещё и противометеоритную. Противостояли космической пыли прерафаэлиты, Босх, художники Северного Возрождения и воспитанники могучей итальянской школы. Не было там только современного искусства, ибо Барсум не уважал бессмысленную пачкотню, унижающую как художника, так и зрителя.

Кроме того, не желая обижать ничьих религиозных убеждений, Джон Дж. распорядился покрыть обшивку «Бочки» строчками из Ветхого и Нового Завета, Корана, Бхагавад-Гиты, звёздами Давида, православными иконами, изречениями Будды и его учеников, а также изображениями тотемных животных, рунами и каббалистическими знаками; словом, если бы вы взглянули на ковчег с расстояния в пару миль,

вы увидели бы гигантское цветное пятно, словно сошедшее с полотен Поллока.

В день отлёта дороги стали по всей стране. По самым приблизительным подсчётам, поглазеть на запуск ковчега собралось три миллиарда человек. Все вместе они выдыхали зараз больше углекислого газа, чем тепловая электростанция в Нейрате. Говорят, продавцы хот-догов, работавшие в тот день, обеспечили на всю жизнь себя и своих потомков вплоть до седьмого колена.

Как водится, не обошлось без происшествий. Какой-то жуликоватый тип продавал поддельные флаеры, дающие право прохода в «Бочку» – когда обман раскрылся, его схватили и хорошенько намяли бока. Обстановка накалилась до такой степени, что водители бульдозеров, нанятые Барсумом, отказались давить возмущённую публику – во всяком случае, до тех пор, пока им не заплатят сверхурочные.

Перед самым отлётом с Барсумом встретился корреспондент «Модерн телевижн» и попросил сказать несколько слов – о себе, о предстоящем полете, или о чём угодно (надо было чем-то заполнить эфирное время). Барсум согласился.

– Если говорить честно, то я – отнюдь не тот человек, кого следовало о чем-то спрашивать, – сказал он. – Я никогда не произносил прочувствованных речей о мире и всеобщем благосостоянии, не боролся за искусство ради искусства или за чистоту литературного языка, не слишком-то верил в бессмертную душу и неотъемлемые права человека.

Более того, у меня даже нет ядерного чемоданчика или завалящей боеголовки мощностью в сто пятьдесят мегатонн, наличием которых я мог бы подтвердить свою любовь к ближнему и искренность намерений сделать мир лучше. Я всего лишь изобретатель разных штучек, забавных и бестолковых, одним словом – шут гороховый, разбогатевший на человеческой глупости. Если хочется послушать меня напоследок, пожалуйста, имейте это в виду.

Меня называют несерьёзным человеком, «игрушечником» – и это правда. Я действительно лишён той серьёзности, с которой многие из людей проживают жизни, и считаю своим долгом бороться с этой серьёзностью всеми силами. Но серьёзность серьёзности рознь. Серьёзность учёного, корпящего над открытием, пахаря, удобряющего землю, поэта, сочиняющего сонет, механика, готового с ног до головы измазаться в масле, но запустить сломанный движок – не та серьёзность, что я считаю своим врагом. Нет, я борюсь с серьёзностью другого рода.

Борюсь, как умею – абсурдом, смехом, фарсом, глупостью.

Меня смешит серьёзность людей, уверенных, что нет ничего лучше, чем прочно стоять на ногах. Всякий раз, как я вижу такого человека, мне вспоминается один случай, свидетелем которого я однажды сделался. Произошёл он, когда президент объявил об очередном финансовом кризисе, да таком тяжёлом, что оба моих приятеля (один разбогател на

беконе и платиновой фольге, другой сделал состояние, поставляя рок-музыкантам хорьков, которым те прямо на сцене откусывали головы) засуетились, пытаясь спасти миллиард-другой. Курс валюты в те дни скакал, как бешеный, так что даже самые совершенные электронные табло сторали, не успевая его отобразить, и некоторые банки вернулись к проверенной методике: вывесили доски со сменными цифрами. Я шёл по улице и увидел, как меняли цифры на одной из таких досок. Занимался этим мужичок лет пятидесяти, в забрызганном грязью пальто, а орудием труда ему служила обыкновенная палка – ей он и переставлял цифры. «Сегодня упал в цене гватемальский франк: потрудись исправить» – велела мужичку кассир. Неожиданно тот заупрямился. «А я хочу, чтобы франк стоил больше, чем доллар!», – сказал он. «Но президент потребовал...». «Плевал я на президента! Какой курс захочу, такой и будет!»

И он настоял на своём – в конце концов, у него была палка. Не знаю, что творилось в других отделениях банка, но на этой улице гватемальский франк стоил вдвое дороже доллара, что бы ни твердили финансисты в твидовых пиджаках.

К чему я рассказал эту историю? К тому, что в мире есть миллионы вещей, от которых зависит положение дел, и над которыми ни один человек – даже тот, кто полностью уверен в своих силах – не властен. Стоит ли в таком случае придавать значение занимаемому тобой месту и положению – непостоянным, изменчивым, зависящем от бесчисленного

множества обстоятельств? Не лучше ли обратить свой взор на более важные вещи – например, на законы, управляющие миром? Впрочем, об этом намного раньше меня – и намного лучше – сказал Платон, которого напыщенность современных ему Афин смешала так же, как и меня сегодня – серьёзность и ограниченность людей, уверенных, что в мире есть место только стремлению упрочить своё положение, занять какое-либо место, примоститься хоть в уголке реальности.

«Главное – это устроиться в жизни» – говорили мне такие люди. «А что дальше?» – спрашивал я. – «Ведь Вселенная, пусть и конечна, но неисчерпаема». «А дальше», – отвечали мне, – «просто живи», и это «живи» звучало для меня, как смертный приговор.

Что это значит: «живи»? Как это? Для чего? До сегодняшнего дня я не знал. Теперь знаю. Но это «жить» для меня означает совсем иное, чем для моих непрошенных советчиков. Жить для меня значит делать всё возможное для познания мира и тех миллиардов вещей, что определяют жизнь человека. Вот почему я враг серьёзности, строгой, ограниченной серьёзности. Она – первый враг познания. А познание не предполагает уверенности, прочности, незыблемости – напротив, это вечное сомнение, вечный поиск.

Меня часто спрашивали: уверен ли я, что непременно буду счастлив – там, в других мирах?

Не знаю. Счастье – это не вопрос знания или незнания. Иногда я говорю себе «да», но чаще думаю, что покоя мне

так и не увидеть. Более или менее ответить на этот вопрос могут только надежда или вера. И я верю – верю в то, что однажды, набравшись знаний, смогу устроить мир разумно и правильно, а вместе с тем – изживу, наконец, абсурд и бессмыслицу собственной жизни.

И это вся загадка Барсума, спросите вы? Получается, всё это время под личиной эксцентричного миллионера, испытателя умов и душ, скрывался человек, так и не нашедший места в мире, человек ненужный и даже лишний? Выходит, что весь мой протест, весь мой пафос, все моё стремление отыскать нового человека – лишь обида наивного ребёнка, не получившего от мира обещанную игрушку?

Может быть.

Не исключено.

И всё же, несмотря на ничтожность шансов, ни в чём не уверенный, полный сомнений и страхов, я готов ступить на ничейную землю – рядом с теми, кто откликнулся на мой зов, плечом к плечу.

Сказав так, он повернулся к репортёру спиной и последним взошёл на борт корабля.

Наглухо закрытый, готовый к отлёту, ковчег скалой высился посреди бескрайнего людского моря.

– Не взлетит, – слышался голос из первых рядов. – Нутром чую, это липа. Плакали наши денежки.

– Да заглохни ты, ради Бога, – отозвался другой голос. – Я десятку поставил на то, что он грохнетя.

Начались споры, где-то занялась потасовка. Но вот раздался странный звук – низкий, густой, он пронизал толпу, и все застыли в ожидании. За первым звуком последовал второй, повыше, за ним ещё и ещё – это прогревались двигатели «Бочки». Потом из сопел повалил дым, и толпа отхлынула от защитного ограждения, причём в панике два миллиона человек задохнулись, восемь миллионов получили серьёзные травмы, а двенадцать тысяч триста двадцать две женщины родили прежде времени.

Дым прекратил идти так же внезапно, как и появился. На мгновение над полем повисла тишина. Вдруг из-под днища «Бочки» с оглушительным грохотом ударили струи огня, и вот, под негодующие вопли, крики боли и отдалённый гром салюта (в тот день праздновали освобождение Бастилии) ковчег поднялся в воздух. Казалось, он, взлетая всё выше, балансирует на остриях огромных ярко-оранжевых конусов.

Иссякла первая струя – набирая высоту, «Бочка» постепенно переходила на основной двигатель – за ней вторая, третья, четвертая, пятая. Наконец, ковчег, лишённый последней связи с Землёй, завис у зрителей над головами, качнулся, словно на прощание, и, устремившись вверх, минуту спустя превратился в крохотную точку. Затем исчезла и она.

Простояв ещё час, толпа начала расходиться. Остаток дня все ощущали непонятную грусть.

Глава пятая

Ссоры, хлопоты и конгарский вопрос

Конгары верят, что старение и смерть тесно связаны с процессом пищеварения. Мир переваривает нас, говорят их мудрецы, и в доказательство своих слов приводят следующую историю.

«Жили-были два брата Кон, а кроме них ничего и не было – ни земли, ни воды, ни солнца. Набрал старший брат бобов, закопал под очагом и ушёл, а младший не утерпел, вырыл да и проглотил вместе с углями. Проглотил, а запить-то нечем. Начали угли живот палить, он и завыл дурным голосом: так и так, помираю, мол, братец. Прибежал старший брат и видит: у младшего изо рта дым тянется. Схватил тогда старший тростниковую трубку, вставил её брату в зад и давай дуть изо всех сил, пожар тушить. Дул, дул, а брат только вопит, и брюхо его всё раздувается да никак не лопнет. Так и дует старший брат до сих пор. Бобы же в животе частью остыли, частью окаменели, а из тех, что были помягче, проклюнулись первые люди, от которых мы свой род ведём, а светят нам с небес те самые уголья, которые младший брат от жадности проглотил. И пока не остыли они, будет живот раздуваться всё больше и больше, а когда остынут – тут и конец всему».

Заметим, что при всей экстравагантности данной космогонии, она пытается дать объяснение одной из важнейших проблем современной астрофизики, а именно: почему расширяется Вселенная. Кроме того, в ней находит отражение извечная проблема конгарской жизни – проблема жратвы.

Но кто они такие, конгары? Тут, безусловно, моя ошибка: я то и дело говорю «конгарский», «по-конгарски» и т. д., а сам до сих пор так и не объяснил, что это значит. Что ж, исправляю положение.

Большая Одиссеева книга определяет конгаров так:

КОНГАРЫ, (лат. *Bastardus Humanoid*, отряд *Rabidus*, семейство *Sanguinarius*) – автохтоны планеты Тразиллан, человекоподобные существа, находящиеся на первобытной стадии развития. (Примечание: самоназвание расы – народ Кон (конг. конэтва), общепотребительное «конгары» – земной неологизм, образованный от «кон» (человек) и «гар» (задница).

Основные занятия конгаров – собирательство, охота и рыбная ловля (см. **ЗЫЧНИЦА**, **МАРАКЧА**). Строй – родоплеменной, с сильной властью вождя. В настоящее время на Тразиллане насчитывается 469 кочевых конгарских племен и 28 оседлых. Наиболее влиятельными считаются следующие племена: **ДЗИРАИ**, **РУМБАИ** (см. **КОНКАС ИЗ РУМБЫ**, он же – **БАТЯ**), **РУФИИ**, **БОМРИ**, **ХУЗАИ**, **КОННЕРАИ** и **ХУФИИ**. Общая численность конгаров, согласно последней переписи, составляет 597 млн.

голов (для сравнения: население всех земных кантонов на Тразиллане в общей сложности – 6 млн. чел.).

Согласно последнему опросу, проведённому среди землян, 98 % опрошенных считают, что конгары – самые жестокие и отвратительные существа, каких только могла породить эволюция. Среди качеств, присущих конгарам, опрошенные выделяют кровожадность, неспособность рассуждать здраво и нести ответственность за свои поступки, лень, халатность, тупоумие и отвращение ко всему прекрасному (подробнее см. «Трагедия конгарской литературы», Екатерина Маланюк, издательство «Орлеанская дева», кантон Арк, 262 г. После Крушения Ковчега. Тираж – 3000 экз.).

Наиболее неприятная для землян конгарская особенность – постоянные междоусобные войны. По подсчётам ведущего исследователя конгарской культуры доктора антропологии, профессора Кинесса, за те 260 лет, что земляне живут на одной планете с конгарами, у последних было всего 11 относительно мирных дней (см., например, документальную ленту «Переполах в Дзиру – день, когда все нажрались семян хои-хои», режиссёры – Гирсен и Тромневас), да и те...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.